

АНТОН ЧИЖ

МЕРТВ ТОЛЬКО
ДВАЖДЫ

ШПИОНСКИЙ ТРИЛЛЕР

Антон Чиж

Мертв только дважды

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39451408
Мертв только дважды: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-098242-4

Аннотация

В мире существует множество, казалось бы, скучных профессий. Например, Карлос – консультант по древностям в Будапеште. Красивый испанец средних лет, без вредных привычек. Мечта любой одинокой дамы за тридцать. Но что, если он уже четверть века скрывает страшную тайну, которая изменила его жизнь? Что, если разгадка этой тайны грозит судьбе европейской цивилизации?

В новом романе автора исторических детективов Антона Чижа сюжет бешено несется вперед, как в романах Яна Флеминга и Дэна Брауна! Тайны разведки переплетаются с тайнами древних, а случайная встреча с бесстрашной журналисткой навсегда лишает Карлоса сердечного покоя.

Содержание

1	6
2	17
3	25
4	31
5	37
6	41
7	46
8	52
9	58
10	65
11	72
12	77
13	81
14	87
15	89
16	94
17	102
18	110
19	114
20	119
21	124
22	132
23	138

Конец ознакомительного фрагмента.

АНТОН ЧИЖ

МЕРТВ ТОЛЬКО ДВАЖДЫ

© Чиж А., текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1

1991 год

11 февраля, понедельник

ФРГ, пригороды города Никкенхайм

22.30 (GMT+1)

За последние дни Мечик наделал столько ошибок, что их вполне могло хватить на всю жизнь. Жизнь, которая могла закончиться через считанные минуты. Как капли, что пролетали в темноте.

Он знал, на что идет. Знал, чем заканчиваются такие поступки и какую цену заплатили те, кто пошел на них. Об этом ему рассказывали подробно, с наглядными примерами. Он знал, но рискнул. Бросился очертя голову. Как неразумный мальчишка. Поддался глупому желанию сделать все самому. Сделать то, что от него никто не ждал. Сделать то, что категорически не имел права делать. В подобных ситуациях худшее – поспешить, не доложив, не получив разрешения. Ничем иным, как грубейшим нарушением, его поступок назвать нельзя. Что и будет сделано. Вместо благодарности. В лучшем случае, если удастся задуманное. А если авантюра провалится, его сочтут болваном, на которого зря потрачены силы и время. Хотя ему будет все равно, мертвым не стыдно.

Мечик запретил себе думать. Были заботы важнее: надо удерживать на дороге арендованный старенький «Фольксва-

ген», которой норовил вильнуть в сторону. Фары с трудом пробивали светом потоки дождя. Дворники скрипели, захлебываясь, и бесполезно металась по лобовому стеклу. Он ехал почти вслепую по дороге, жавшейся к черному лесу. Карта, разложенная на руле, комкалась и вертелась, как капризная девица. Тонкую красную ниточку шоссе он угадывал. Главное, не пропустить поворот на грунтовую дорогу.

Редкие машины слепили вспышками огненных шаров, пролетающих в дождевых каплях. Мечик сбросил скорость до двадцати километров, стараясь заметить просвет в стене леса. Машину восемьдесят шестого года выпуска потряхивало, но старичок честно цеплялся за асфальт. Три дня назад Мечик и подумать не мог, что нарушит все инструкции и правила, которые обязан соблюдать даже опытный сотрудник. Новичок – тем более.

...Год назад он прилетел из Аргентины в Западную Германию с паспортом гражданина Эквадора. Молодой человек двадцати лет с загорелой кожей, черными вьющимися волосами и открытой улыбкой искренне признался пограничнику, отвечая на вопрос о цели своей поездки. Молодой человек мечтал поступить в лучший в мире университет во Франкфурте и получить профессию инженера. Пограничник улыбнулся, сказал: «Добро пожаловать в Германию» и поставил въездной штамп. Будущий студент горячо поблагодарил, по-немецки он говорил неплохо, с чуть заметным южным акцентом, и растворился в толпе пассажиров, прошед-

ших паспортный контроль.

В его планы после получения качественного образования входила женитьба на хорошей немецкой девушке, получение вида на жительство и гражданства одной из самых богатых европейских стран. Затем – размеренная жизнь настоящего бюргера, который честно зарабатывает, ездит в отпуск, растит детей, голосует на выборах за консервативный блок ХДС/ХСС, любит пиво, отмечает с друзьями Рождество и дни рождения, участвует в общественной жизни квартала. То есть может считаться уважаемым и надежным членом общества. Мирным, тихим и незаметным. Заурядным немецким обывателем с испанской фамилией.

Настоящее имя юноши с эквадорским паспортом знали только несколько человек в Москве. Даже в Балаклаве он проходил обучение под чужим именем. А вот псевдоним, который будет во всех сообщениях, он выбрал сам перед началом долгой командировки. Его тоже знали только те, кому положено.

Мечик.

...Мечик ударил по тормозам. Показалось, что поворот проскочил. Сдав назад под визг колес, он понял, что ошибся, ночь запутала. В лесу была прогалина, но никак не поворот. По карте до него оставалось километра два. На темном шоссе карты кажутся не такими надежными. Машина дернулась и поехала сквозь дождь.

...Начало командировки сложилось удачно. Советский Союз еще держался, но как линкор, получивший пробоину ниже ватерлинии. Стальные заклепки болтались, из труб валит черный дым, корабль готов был пойти ко дну. Зрители на разных берегах ждали, когда монстр развалится на части. А вместе с ним Восточный блок, в котором сразу вспомнили, что, в общем-то, не хотели строить социализм, потому что в сердцах их теплились европейские капиталистические ценности. Европа бурлила и стряхивала с себя цепи коммунизма. ГДР вот-вот должна была пасть в объятия западной сестры, всех волновали глобальные политические процессы, а контрразведка НАТО пребывала в некотором удивлении от внезапного разгрома врага, который униженно просил гуманитарную помощь. Лучшее время, чтобы посеять семена, которые взойдут через несколько лет.

В падающем колоссе Союза оставались люди, которые не обращали внимания на политические игры, а продолжали делать свое дело. Они точно знали, что разведка будет всегда. Даже если бывшие враги внезапно станут друзьями, а государство, которому они давали присягу, так радикально изменится.

...Поворот, который искал Мечик, выскочил неожиданно. Ночь опять хотела обмануть, но у нее ничего не вышло. Он вовремя затормозил, включил свет и проверил карту. Наверняка тот самый. Без дорожного знака. Грунтовая дорога до Рейна. Отбросив на заднее сиденье карту, Мечик выключил

лампочку над головой, глянул, нет ли на встречной полосе машин, газанул и резко повернул налево. Машину тряхнуло на стыке шоссе с грунтовкой. Мечик сбросил скорость до минимума и двинулся, куда вела дорога. Дремучий лес оказался ухоженным парком маленького городка, растянувшегося вдоль Рейна.

...Те, кто подготовил Мечика для глубокого внедрения, умели делать свою работу. Всякий обыватель в любой стране мира знал о коварных шпионах КГБ, которыми пугали газеты и которых порою любил Джеймс Бонд. Если шпион был советским, то, конечно, из всемогущего КГБ. Про КГБ знали все, кому не лень.

Лишь немногим специалистам холодной войны было известно, что советские шпионы могут быть еще из ГРУ, организации тогда почти неизвестной на международной арене. И только кадровые сотрудники спецслужб догадывались, что самого опасного врага надо ждать с другой стороны. Враг был тихий, незаметный, о нем практически ничего не было известно: у него не было ни предателей, ни перебежчиков. Потому что среди офицеров разведки Главного штаба Военно-морского флота СССР, или попросту Военно-морской разведки, не бывает предателей. Живых – наверняка. Мысль эту внедряли в сознание курсантов Центра подготовки с первой лекции.

...Грунтовку размыло, но колеса не буксовали. Мечик пробирался как мог тихо, озираясь по сторонам. Условлен-

ного знака – раздвоенную ель – он не заметил. Дорога свернула вправо, невдалеке показался мостик, перекинутый через безымянную речушку, впадающую в великий Рейн. Мечик выключил мотор и погасил фары. Вылез наружу, прикрыв дверцу. Дождь шлепал по голым веткам, по сырой земле, по мелким лужам, пробирался за воротник, мочил брючины, легкие ботинки хлюпали. Дул пронизывающий ветер. Мечик не замечал холода, всматривался и прислушивался. Кажется, он был один.

Приехать и оказаться одному было вариантом худшим из худших, гораздо худшим, чем пуля в лоб. Тот, кто назначил встречу, мог передумать. Или совсем не собирался приезжать. Причины не важны, важен результат: операция, подготовленная в спешке и в одиночку, провалена, даже не начавшись. Это значит, что ему нельзя возвращаться во Франкфурт-на-Майне, а надо бежать прямо отсюда. Уничтожив не только свое внедрение, но и работу всех, кто его готовил.

Он посмотрел на часы, светившиеся фосфорными цифрами. До назначенного времени оставалось не более минуты. Быть может, он зря занервничал. Все идет по плану. По его плану. Не замечая струек, стекающих по лицу, Мечик вглядывался в чернеющий парк и мостик, который надо перейти. Он сверился с циферблатом. Секундная стрелка выскочила вперед. Мечик был спокоен. Ничего больше не оставалось.

...Кандидатов для Военно-морской разведки подбирали тщательно. Отсев был строжайший. Мальчики попадали в

поле зрения кадровиков в Нахимовском училище. За ними наблюдали и дальше: как они учатся в высшем учебном заведении ВМФ, как служат молодыми офицерами на флоте. Большая часть курсантов была из семей потомственных моряков. Их отцы, деды, а у некоторых и прадеды были проверены войнами, которые вела Россия с конца XIX века. Многие погибали, но никто не был предателем. Преданность у курсантов была в крови. Что было основой неуязвимости Военно-морской разведки. К этому добавлялась особая подготовка.

Выпускник Центра не только владел специальными навыками разведчика, знал несколько языков, мог в одиночку действовать на суше, на воде, под водой и в горах, владел приемами рукопашного боя с ножом и без ножа, стрелял из всех видов оружия, но и самое главное: умел скрываться под личиной обывателя. А еще курсантов обучали анализировать, замечать мелкие детали, делать правильные выводы и предвидеть события. Учили всему, без чего работа разведчика глубокого внедрения бесполезна. Ошибки и провалы они изучали на примерах коллег из КГБ и ГРУ. Чтобы не повторять горький опыт.

...Опоздание больше минуты. Мечик засчитал себе еще ошибку: не продумал, что будет делать в такой ситуации. Такую ситуацию он просто не брал в расчет. Зато другие ошибки прекрасно знал, потому что совершил осознанно.

Сосед по студенческому общежитию со смехом рассказал,

что американцы совсем обленились: вербуют в открытую. Ходят по студенческому городку и предлагают работу с хорошим заработком. Некоторые соглашаются. Он сам видел, как вербовщик говорил с парнями, кажется, из Франции и Бельгии. Мечик повеселился над глупостью янки и попросил показать горе-шпионов. Сосед обещал при случае. Прошел день, потом еще, сосед и думать про это забыл. Потом вообще уехал. А Мечик потерял покой.

Вместе с ним в университете учились его сокурсники из Центра подготовки. Они внедрялись под легендой скандинава и фламандца. Правда, в университете были и другие французы и фламандцы. С кем говорили вербовщики? По инструкции, заметив тень подозрения, Мечик обязан был сообщить и отойти в сторону. Разбираться положено другим. Но это его товарищи. И подозрение такое призрачное...

Мечик решил справиться сам. Что стало первой ошибкой. Вторую он сделал, когда подкинул хитро написанную записку с предложением сотрудничества. Обоим подозреваемым. А потом получил ответ. От кого-то из них. С ним готовы были начать работать. За крупную сумму. Наличными. Которые надо отдать при первом контакте. Мечик еще мог доложить и не влипнуть окончательно. Но он решил идти до конца. Разум затмила обида, что один из своих оказался предателем.

Последнюю ошибку Мечик совершил, когда из камеры хранения на вокзале взял дипломат с наличными, которые

предназначались для новой сети в Германии и Бенилюксе. Он знал, что у него потребуют показать деньги, но отдавать их не собирался. Он сумеет скрутить предателя. То, что бывший друг узнает его, Мечика не беспокоило. Новый плащ, берет, накладной нос, купленный в магазине театральных принадлежностей, большие очки и ночь – достаточная маскировка для проверки издалека. При ближнем контакте маскировка не нужна. Только быстрота реакции. Предатель должен попасть в свою же ловушку, раз выбрал место встречи за пятьдесят километров от Франкфурта в парке. Вместо того, чтобы распить по кружечке в пивном баре. Только пока в ловушке оказался Мечик.

Он решил ждать три минуты.

Впереди за мостом вспыхнули и поморгали фары. Контакт был на месте. Мечик взял дипломат с заднего сиденья и плотнее закрылся воротом плаща. Что в ливень вполне естественно.

Предстояло пройти через мостик. Метров двадцать он будет весь как на ладони. Можно пристрелить так просто, что любой справится. Реагировать на звук бесполезно, пуля летит быстрее. Огонь из ствола заметить невозможно, если не знать, откуда стреляют. Тот, кто ждал за мостом, мог отойти в любую сторону и достать беспомощную мишень. Мечик старался идти медленней, чтобы разглядеть хоть что-то. Но ночь прятала слишком хорошо.

Подолва ткнулась в каменный мостик. Осталось пройти

его.

Вспышка...

...Вспышка была такой яркой, как будто взорвалась все-ленная. Он инстинктивно зажмурился, но свет пробился сквозь закрытые веки. Сильно ударило в грудь, откинуло, Мечик полетел кубарем вниз. Натренированные мышцы разжали пальцы, чтобы смягчить удар, дипломат выскользнул в темноту. Мечик приложился затылком и скатился в воду.

Волны сомкнулись над ним. Мечик задержал дыхание. Утонуть он не боялся, потому что плавал не хуже дельфина. Надо найти ориентир, где воздух, а где дно. В непроглядной темени это не так просто. Мечик замер, чтобы ощутить, куда тянет вода, перевернулся и в два гребка вынырнул на поверхность.

Никаких следов взрыва. И это был не взрыв. Ни гранаты, ни мины, ни фосфорного снаряда. На прохождении учебной огневой полосы Мечик выучил, как выглядят взрывы. Это что-то другое, ослепительное и тихое. Волны хлестали по лицу, намокшая одежда давила вниз. Мечик не замечал пустяков. Он не мог понять, что происходит на берегу.

Происходило странное. Раздалось два пистолетных выстрела, кто-то закричал от боли. Он увидел пробегающего Освальда, товарища, бывшего на подозрении. Освальд остановился и что-то сфотографировал фотоаппаратом с микропленкой. Долетел хриплый крик: «Это Мечик! Это он... Предатель! Помоги!»... Голос был Маркуса, другого товари-

ща.

Он сделал сильный гребок, чтобы поскорее очутиться на берегу. Шум дождя прорезал вой полицейских сирен. Над верхушками деревьев заплясали красные и синие всполохи мигалок. Кажется, собралась вся полиции земли Рейнланд-Пфальц.

Катастрофа случилась. Только сейчас Мечик понял, что произошло на самом деле. Ни доказать, ни оправдаться он не сможет. Клеймо предателя легло на него. Это навсегда. Его жизнь уничтожена и стерта. Он не может ни сдать полицию, ни пойти к своим, ни даже утонуть. Его вычеркнули из этой жизни. Оставалось начать новую. Или заставить себя умереть в Рейне. Течение быстрое, у берега глубоко. Тело не найдут. Мечик думал недолго. Он сделал выбор.

Его покрыла ледяная волна Рейна.

2

2016 год

18 апреля, понедельник

Южный Иран, провинция Хузестан

12.34 (GMT+3.30)

Жара обожгла. Ветер колот песком. Франсуа Шандор зажмурился и подтянул платок до переносицы. Он походил на жителя пустыни, как их представляют туристы: на голове арафатка, рубашка до пят, купленная в египетской лавке, на ногах кожаные сандалии. Шандор выглядел карикатурой и для местных иранцев, и для экспедиции. Ему было наплевать. За годы, проведенные на раскопках, он не смог привыкнуть к жаре. Жара угнетала его. А в таком фольклорном наряде ее можно было хоть как-то терпеть.

Дышать было тяжело. Намоченная бандана быстро высыхала. Проку от нее оказалось немного, но хоть песчинки не лезли в рот. Шандор ненавидел скрип на зубах. От песка, неизменно попадавшего в пищу, и без того безвкусная арабская еда становилась омерзительной.

Сидя на корточках, Шандор прижался к сомкнутым коленям и принялся неторопливо работать толстой щеткой.

За двадцать лет он объездил весь Ближний Восток. Археологией Шандор занимался с редкой самоотдачей. Вернувшись из очередной экспедиции в Париж, по которому он тос-

ковал, мечтая о прохладе уличных кафе, уже через неделю он готов был мчаться в новую экспедицию. Месяц был самым долгим перерывом между поездками. Шандора охотно принимали в любую команду. У него была прочная репутация исполнительного трудяги, который звезд с неба не хватает, своей научной карьерой не занимается, зато чрезвычайно полезен для других. Он не требовал ставить его имя на археологических открытиях, отдавая славу коллегам, куда более жаждавшим ее. Шандор изредка публиковал статьи по узким, малозначимым вопросам, но это он делал только для того, чтобы не опуститься до статуса рабочего на раскопах.

Никто не интересовался причинами такой его научной скромности. А причина была проста. В археологии Шандор искал покой. Однажды пройдя через событие, потрясшее его, он предпочел иметь дело только с давно умершими. Было хорошо и покойно разгрести песок, вытаскивать и очищать черепки, прикреплять к ним номерки, классифицировать и складывать найденное в пластиковые контейнеры. Монотонный труд он не променял бы на всю славу мира.

Нынешняя экспедиция работала больше трех недель. Ученых, приехавших с враждебного и безбожного Запада, иранцы держали под мягким контролем. Рядом с лагерем расположилась палатка. В ней жили несколько крепких мужчин в камуфляже без знаков различия, но с кобурами на поясе. Мужчины с аккуратными черными бородами были похожи как родные братья. С археологами вели себя корректно.

Лишь под вечер осматривали и фотографировали их находки.

Между учеными и надзирателями сложился негласный договор: европейцы не выходят за разрешение правительства Ирана, то есть не скрывают, не крадут и не пытаются нелегально вывезти находки, не пьют спиртное, а взамен получают относительную свободу. Договор соблюдался обеими сторонами. Иранцы посмеивались над нарядом Шандора, считая его чокнутым ученым, и стреляли только глазами на двух француженок, которые бесстыдно выставляли загорелые ножи. Археологи на вечерних посиделках обсуждали: состоят ли Мас и Ахан в корпусе «Страж Исламской революции» или в каком-нибудь другом страшном корпусе, воевали ли в Сирии с ИГИЛом и сколько людей убили. Шандор в разговорах участия не принимал и всегда держался в стороне.

Сегодня он занимался квадратом в отдалении от основного раскопа. Директор экспедиции, профессор Лаваль, зная странности Шандора, не возражал. Археолог с таким опытом имеет право выбирать.

Шандора и коллег разделяло метров сто песка. Основная группа работала вместе, Лаваль сидел за походным столиком, делая пометки в журнале экспедиции: ноутбуки на такой жаре не выдерживали. На Шандора никто не обращал внимания, позволяя ему делать что угодно в секторе, ограниченном натянутыми веревками.

Щетка смахнула слой песка, под которым показалось что-то плотное. Остатки песчаного намета Шандор размел ладонью. Открылся камень. В камне не было ничего необычного, если бы не гладкая обработанная поверхность, какая не встречается в природе. Поработав пальцами, Шандор расчистил в центре камня арабскую вязь, которую разобрал без труда: «haram». Запрет прикасаться. Любой мусульманин, увидев эту надпись, немедленно должен забросать предмет песком и забыть это место. Шандор не был мусульманином. У него вообще не было религии. Оглянувшись на далеких коллег, которым до него не было дела, он принялся энергично раскапывать. Вскоре показали края камня. Размером он казался не более метра, округлой формы. Шандор нащупал крышку на нем, попробовал столкнуть ее в сторону, но она держалась плотно.

Ломик не входит в набор археолога, если это не Индиана Джонс. Под рукой у Шандора не было ничего, чем поддеть тяжесть. Кроме большого шпателя. Постаравшись, он воткнул острие в щелочку и расширил отверстие. Шандор поднажал, шпатель удержался, сколько мог, и начал изгибаться, чуть-чуть расширив отверстие. Его хватило, чтобы Шандор всунул в него пальцы. Напрягая все силы, отодвинул крышку и заглянул внутрь. Каменное ложе было выдолблено не слишком аккуратно. В нем лежал кувшин. Шандору не надо было проверять по справочникам, чтобы определить возраст глиняного изделия: примерно V век до новой

эры. Форма кувшина характерна для стран Средиземноморья. Но куда больше формы Шандора заинтересовала надпись на арабском, видневшаяся у горловины. Надпись была младше кувшина на многие столетия. Шандор прочел ее без труда. Любой благоразумный ученый не стал бы прикасаться к находке. Шандор не был благоразумным. Он вынул кувшин, показавшийся легким. Горловина его оказалась запечатана воском, окаменевшим и почерневшим. Нарушая правила извлечения археологических предметов, Шандор вскрыл воск армейским ножом, который всегда держал при себе. И заглянул внутрь.

Он не поверил собственным глазам. Этого просто не могло быть. Его знания и опыт говорили, что такие открытия невозможны. Невозможны в принципе. Тем не менее он видел этот предмет собственными глазами. Шандор аккуратно потряс кувшин, чтобы содержимое переместилось к отверстию. Без сомнений, то, что находилось внутри, было тем самым, чем показалось в первую секунду. Надо было решать, что делать. Звать коллег и Лавалья Шандор не собирался точно. Ему надо было обдумать.

Восковая затычка вернулась на место. Кувшин лег в свое ложе. Шандор сгреб столько песка, чтобы покрыть выемку до верха. Каменную крышку отодвинул в сторону и тоже присыпал песком. Маскировка простая и надежная. Никто бы не понял, что под ним что-то скрывается. Шандор оставил знак, чтобы место не потерялось. И остаток времени до перерыва

создавал видимость работы.

...За обедом Лаваль вежливо спросил об успехах. Шандор ответил, что квадрат совершенно пустой. На вторую половину дня он возьмет немного левее. Профессор мягко намекнул, что и там, вероятно, ничего нет. Упрямый коллега сказал, что доведет намеченное до конца. Спорить с ним не стали.

До конца светового дня Шандор рылся вблизи находки, просчитывая варианты. Их было немного. Каждый рискованный. Один – смертельно рискованный. Рассмотрев его со всех сторон, Шандор согласился, что он самый подходящий. План действий был составлен довольно просто. Шанс на удачу есть. Принцип Наполеона Бонапарта: «Ввязаться в бой, а там посмотрим» он считал руководством к действию.

Вечером Шандор вел себя как обычно. Удалился от дружеского обсуждения итогов дня и сплетен об иранцах. Он лег в палатке и дождался, когда лагерь окончательно затихнет. А потом лежал с открытыми глазами, глядя в чернеющий брезент. В три часа, когда человеческий организм пребывает в самой глубокой фазе сна, он вышел в ночь и подобрался к палатке иранцев. Мас и Ахан безмятежно храпели. Шандору понадобились считанные секунды, чтобы беззвучно проникнуть, оглушить спящих ударами в основание черепа, уложить так, чтобы они не задохнулись с кляпом во рту, связать руки и ноги пластиковыми хомутиками, которыми закрепляли мешки. Закончив с людьми, он забрал рацию охра-

ны, комплект формы, кофр, где держали все телефоны экспедиции, оба пистолета с запасными обоймами и отнес добычу в джип иранцев. Дверца его всегда была открыта, ключа зажигания в армейском джипе нет, вместо него – лишь поворотный рычажок.

Рядом был припаркован «Лендровер» экспедиции. Шандор подлез под днище и пробил ему бак. Из дырки хлынула тонкая струйка бензина. Все действия он проделал с умением диверсанта, какого нельзя было ожидать от чудака-ученого.

Прихватив мешок из-под мелкого инструмента, Шандор пришел к нужному квадрату и раскопал кувшин. Он потратил несколько драгоценных минут, чтобы привести место в прежний вид. Засыпал каменную нишу и крышку. Конечно, их найдут. Но пусть это случится как можно позже.

Мешок Шандор положил на пассажирское сиденье и переоделся в камуфляж. Надеяться, что армейский патруль примет француза за местного, было бы наивно. На иранца он походил в лучшем случае загаром. А вот номера машины принадлежат MOIS¹, такие проверять не будут.

В GPS-навигатор Шандор ввел точку на границе Ирана с Ираком, включил зажигание. Стрелка показала, что бензобак почти полон. Шандор вжал педаль газа и рванул с места. Дорога в пустыне – понятие относительное, особенно ночью. Другой дороги у него не было. Все предпринятые им меры

¹ Министерство разведки и безопасности Ирана.

давали Шандору фору примерно в четыре часа. Пока Мас и Ахан очухаются, пока их освободят, пока они доберутся до ближайшего телефона и поднимут тревогу...

Судьба экспедиции вообще и профессора Лавалья в частности Шандора не беспокоила. А также то, сколько им придется пережить допросов и унижений. И, быть может, полный запрет на раскопки в Иране. Мелкие страдания не в счет. Шандор готов был рискнуть своей жизнью. И куда большим. Если бы ему предложили.

Ничего не жаль ради драгоценности, которой он сейчас владел.

3

2016 год

7 мая, суббота

Вена, недалеко от станции метро Stephansplatz

12.03 (GMT+1)

Материальные драгоценности меньше всего интересовали месье Вагнёра. Картины, рукописи, побрякушки, фарфор он ценил не дороже хлама, которым забиты антикварные лавки Парижа. Вагнёр хорошо знал, что в современном мире единственная ценность – информация. Прочее не стоит ни времени, ни инвестиций. Он давно мог вложить деньги в какой-нибудь старинный портрет или современную пачкотню, цена которой росла как на дрожжах. Но предпочитал старый, добрый кэш. Из всех видов коллекционирования Вагнёр предпочитал коллекцию твердой валюты в ячейке швейцарского банка, которая регулярно пополнялась.

Необходимость заставила приехать в Вену на антикварную неделю аукционного дома «Dorotheum». Необходимость, которую он выбрал для себя сам. Месье Вагнёр владел скромной фирмой «IT-Consalt», офис которой состоял из двух помещений, арендуемых на отшибе Парижа. Официально компания занималась аналитикой компьютерного рынка. Но клиенты к месье Вагнёру обращались за другими услугами. Он помогал в деликатных вопросах, о которых не

принято говорить вслух. Например, добыть информацию о конкурентах, которую нельзя получить из открытых источников. Узнать, какие файлы лежат на рабочем столе компьютера директора крупного банка. Какие документы хранятся в запароленной папке инвестиционного брокера. Информация, которая могла стоить миллионы евро для тех, кто знал её цену.

Платили очень хорошо. Чаще всего наличными. Месье Вагнёр никогда не обманывал клиентов, бизнес его преуспевал. Он нашел свою нишу. Господам, владевшим большим и легальным бизнесом, часто требовались услуги тех, кому они и руки бы не подали: хакеров. Месье Вагнёр был тем удобным человеком, который избавлял их от неприятного общения.

Занимаясь тихим бизнесом более десяти лет, месье Вагнёр обнаружил, что в мире информационных технологий для него нет ничего невозможного. Он мог узнать все обо всех. У него был свой доступ ко всем сайтам всех государственных структур, которые считались неприступными. Что делало его возможности неограниченными. С некоторых пор он стал расширять клиентуру за счет заказчиков, которых интересовали далеко не бизнес-секреты. С этими клиентами следовало соблюдать осторожность.

Новый заказ месье Вагнёр принимал по Интернету анонимно. Первым делом узнавал о клиенте все. Особенно то, что клиент скрывал. После чего или выходил на связь, или не

отвечал. Жизненный опыт научил месье Вагнёра быть чрезвычайно осторожным. При этом он любил небольшой риск. Как перчинку в ароматном кофе. Тонкое удовольствие доставляло наблюдать за клиентом, когда тот ничего не подозревал. Нечто схожее с абсолютной властью. В остальном месье Вагнёр вел чрезвычайно скромный образ жизни, даже не обзавелся семьей.

В большом зале старинного аукционного дома «Dorotheum» месье Вагнёр наблюдал за новым клиентом. Вернее, людьми, которые появились по его наводке. Вагнёр сразу понял, что это не коллекционеры из Арабских Эмиратов, а серьезные люди из Ирана. Бородатые мужчины в строгих черных костюмах и белых рубашках без ворота не следили за лотами. Они изучали участников аукциона. Это тоже была заслуга месье Вагнёра.

Клиент разыскивал человека, который похитил из частной коллекции ценную и древнюю вещь. Вещь была описана крайне расплывчато, месье Вагнёр понял, что клиент не хочет, чтобы он знал подробности. В отместку клиент получил ложный след: Вагнёр сообщил, что вор может появиться на аукционе «Dorotheum». Аукционный дом проводит в год более шестисот торгов, там постоянный поток предметов. Краденое быстрее всего сбыть именно там.

Судя по тому, как клиент заглотив наживку, прислав мускулистых любителей антиквариата, Вагнёр сделал вывод, что клиент не особо умен. Или слишком спешит. Или то

и другое. В любом случае приятно поводить за нос, создавая иллюзию напряженного поиска. Ведь расходы для клиента не имели значения. Вагнёр давно знал, где находится разыскиваемый и в какую сторону двигается сейчас. Вор не предполагал, что каждая операция его кредитной карты прозрачна для Вагнёра. В случае крайней необходимости он мог определить точное местонахождение жертвы: вход на сервер телефонной компании был наготове. Как раз сейчас бедолага двигался на поезде в сторону Вены, не догадываясь, что его можно взять прямо на перроне.

Вагнёр прикидывал: отдать его иранцам на вокзале или подождать, когда он разместится в каком-нибудь захудалом отеле. Второе было предпочтительнее. Дел на аукционе у него не осталось. Наблюдать за бородачами стало неинтересно. Вагнёр собрался в ближайшую кофейню на чашку венского шоколада, когда внимание привлек вошедший.

В зал мягкой походкой пробрался мужчина среднего роста, в легкой куртке, брюках спортивного покроя. За плечами у него висел рюкзак, какими пользуются бизнесмены в дальних командировках, с биркой Austrian Airlines. Прическа не слишком короткая и не длинная, на коже хороший загар. Он выглядел крепким и подтянутым мужчиной за сорок, который занимается спортом, заботится о здоровье и вообще ведет приятный образ жизни. Вошедший устроился в предпоследнем ряду. Табличка с номером в его руке ожидала лота, чтобы вступить в борьбу.

Интуиции Вагнёр доверял не меньше, чем взломанным базам данных. Интуиция твердила, что глаза не обманывают его. Поверить в очевидное Вагнёр не мог. Сразу не мог. Это было настолько нелогично и необъяснимо, что в первое мгновение он чуть было не бросился пожимать руку. Безумное желание схлынуло. Оставив сомнение. Появление этого человека не сулило ничего хорошего. Немного поразмыслив, Вагнёр ясно увидел, что эта случайность может разрушить его жизнь. Так, что от нее ничего не останется.

Будто что-то почувствовав, участник аукциона повернул голову. Вагнёр еле успел отшатнуться за угол. Укрытие ненадежное. Заметил он Вагнёра или нет? Думать об этом не имело смысла. Он стал отступать так, чтобы не попасть в поле зрения, добрался до выхода и вернулся в аукционный зал с другой стороны. Место, где сидел загорелый мужчина, было пустым. Чего и следовало ожидать. Исчезновение Вагнёра не удивило: инстинкты не стареют. Теперь надо понять, что делать.

Для начала Вагнёр зашел на сайт аукциона и проверил, кто купил табличку с номером «232». Она была оплачена с карточки некоего господина Рауля Карлоса. Проверив пассажиров, прибывших сегодня в Вену, что было так же просто, как просмотреть прогноз погоды, Вагнёр узнал, что Карлос прибыл из Будапешта. Еще один заход в базу юридических лиц Евросоюза показал, что сеньор Карлос занимается консультациями по антиквариату, владеет крохотной фирмой в

Будапеште. В списке его платежей по контрактам Вагнёр обнаружил знакомого клиента. Этого было достаточно. Решение пришло быстро. Простое и красивое.

Он проверил, как поживает наблюдаемый, который только что приехал в Вену. Вместо того чтобы поселиться в отеле, жертва купила билет на поезд. Причем в Будапешт. Все складывалось как нельзя лучше. Вагнёр предвкушал игру: рискованную, но увлекательную. Где все козыри будут у него. Отчего не сыграть партию? Вагнёр захотел победить так, как ничего не желал.

Он отправил иранскому клиенту срочное сообщение.

7 мая, суббота

Вена, Площадь Европы, 1

Вокзал Westbahnhof

13.50 (GMT+1)

Под яростный визг покрышек у вокзала Вестбанхоф, или Западного вокзала, затормозил черный Opel. Из него выскочили двое мужчин и бросились сквозь толпу пассажиров. Бегущих провожали взгляды не без злорадства: аккуратным пассажирам весело смотреть на опоздавших.

Они выскочили на перрон, когда хвост скорого поезда 13.42 в Будапешт набирал ход. Ахан выругался и топнул ногой. Мас вынул мобильный, набрал номер и коротко сказал на фарси:

– Мы опоздали.

В динамике шипели короткие звуки.

– Понял, сделаем, что сможем, – сказал Мас и выключил телефон.

– Что сказал господин Шер?

– Догонять поезд.

– Это невозможно.

– Надо успеть.

К выходу из вокзала они бросились, расталкивая всех на своем пути. Вслед им летели недовольные и обиженные вы-

крики. Кто-то требовал вызвать полицию. На угрозы Мас и Ахан не обращали внимания. Запрыгнули в машину, Opel рванулся с места.

...Поезд Railjet вылетел за границы Вены. До Будапешта его путь составит два часа сорок минут. Не самый скоростной поезд, зато ходит каждые два часа, как электричка. Красно-черные и бело-синие вагоны предпочитали туристы, посещающие обе столицы Австро-Венгерской империи, которые не хотели мучиться в автобусе четыре часа. Заодно и немного сэкономить. Билет во втором классе стоил 39 евро.

В последнем вагоне второго класса, в котором немного потряхивало, ехал пассажир, похожий на обычного туриста. Он купил место у самого выхода. Его большой альпинистский рюкзак, не поместившийся на верхнюю полку, стоял за креслом. Опустив спинку кресла, пассажир дремал больше двух часов. Проснувшись, взглянул на старые часы с поцарапанным циферблатом, встал, подхватил рюкзак за верхнюю лямку, шагнул в тамбур. Как будто хотел выйти самым первым. Пассажиры вагона поглядывали на чудака, но скоро перестали замечать его неподвижную фигуру за стеклами дверей в тамбур. Ничего интересного в нем не было.

Въехав в дальние пригороды Будапешта, поезд сбросил скорость. Франсуа Шандор нацепил рюкзак и тщательно закрепил на груди ремешки. Подвигал плечами, проверяя, хорошо ли прилегает спинка рюкзака. Нелегкий багаж сидел надежно.

В окне показались городские кварталы. Поезд проезжал X округ Будапешта. Оставался последний поворот к вокзалу, состав пробирался не спеша. Шандор присмотрелся к кварталам спальных районов, которые проплывали мимо него, взялся за рукоятку стоп-крана и дернул ее.

Состав вздрогнул и замер. Толчок оказался несильным. Пассажиры не пострадали. Только в вагоне премиум-класса проводница вылила на дремлющего господина апельсиновый сок.

Шандор нажал кнопку экстренного выхода. Под тревожное пиканье дверь отъехала в сторону. Он спрыгнул на дорожную насыпь и пошел по рельсам в сторону от стоящего состава. Кто-то из пассажиров выглянул в окно, заметил одинокую фигуру с рюкзаком. Вскоре он затерялся в постройках улицы Horog.

...На вокзал Keleti Pályaudvar, или Восточный вокзал, или просто – Келети, Бахрам и Теркет прибыли с большим запасом. Позицию наблюдения заняли в начале перрона. Их подняли по тревоге. На почту пришла фотография француза, который должен приехать один. Сложенный листок с распечаткой оба держали в руке, чтобы проверять приехавших мужчин. Эти европейцы вообще на одно лицо. Что создавало проблему. Приказ был простой: вести объект, не привлекая внимания. Если Мас с Аханом опоздают, без них ничего не предпринимать. Зафиксировать, где объект остановит-

ся, держать под полным контролем, особенно если он зайдет в камеру хранения или оставит вещи где-нибудь. К объекту не приближаться, не пытаться задержать, он может оказать сопротивление. Если объект отдаст кому-то вещи, один продолжает вести его, другой отправляется за вещами. Упустить француза нельзя. Цена ошибки – отправка на фронт в Сирию.

Поезд опоздал на пять минут. Двери вагонов открылись, пассажиры выходили, обозревая и фотографируя красоты старинного вокзала. Бахрам и Теркет внимательно изучали проходящих мужчин, даже если те шли с женой, детьми, подругами и чемоданами. Большой поток стал редеть, пока не прекратился. На перроне остались самые неторопливые и ленивые пассажиры. Вскоре исчезли и они.

У вагонов стояли проводники, зашли уборщики с тележками, которые будут наводить порядок перед обратным рейсом. Бахрам и Теркет молча переглянулись. Бахрам проверил сообщение: все верно, поезд тот. Но пассажира нет.

Теркет кивнул. Они пошли мимо состава, заглядывая внутрь. Ничего другого не оставалось. Шанс, что француз оказался таким хитрым, что затаился, был ничтожным.

Дойдя до последнего вагона, остановились. Что делать дальше, ни Бахрам, ни Теркет не знали. Они были оперативниками, которые привыкли выполнять приказы. Отдать им новый приказ было некому.

– Может, спросить? – предложил Бахрам, указывая на

проводников.

Теркет не знал: можно показывать чужим распечатку или нет. В любом случае хорошей идеей это не выглядело.

– Займись, – тем не менее сказал он.

Бахрам неплохо говорил по-английски. Он подошел к проводнице, улыбнулся как мог радушно и спросил, не видела ли она его приятеля-француза, который должен был приехать этим рейсом. И показал распечатку. Взглянув, девушка нахмурила подведенные бровки.

– Ваш друг вел себя возмутительно: дернул стоп-кран и спрыгнул с поезда, – строго сказала она. – Это категорически запрещено. Никакой экстренной ситуации не было. Мы сообщим в полицию.

Бахрам поблагодарил.

– Плохо, – сказал Теркет, когда напарник перевел, что случилось. – Он ушел. Умный.

В начале перрона показались Мас и Ахан, бегущие со всех ног. Что было ошибкой: камеры вокзала фиксируют любое нестандартное поведение.

Ахан тяжело дышал:

– Упустили?

– Он сошел раньше, – ответил Теркет. – Когда поезд еще не подъехал к вокзалу.

Выхватив мобильник, Мас сообщил о том, что случилось. И долго держал трубку. Молча.

– Слушаюсь, – наконец сказал он, нажимая отбой. – Сего-

дня не нужны, быть на связи. Степень готовности – высшая.

Бахраму и Теркету пояснения не требовались: на них пала вина. Теперь будут их гонять как собак.

– Надо поесть, – сказал Ахан, отвернувшись от виноватых.

Мас похлопал его по спине.

– Обед отменяется. Поставлена новая задача. Едем...

8 мая, воскресенье

XXII округ Будапешта, улица Túzliliom

8.00 (GMT+1)

Он плыл в черной воде, лицо захлестывали волны. Открыл рот, не хватало воздуха. Цеплялся руками, руки были тяжелы, тянули вниз. Тонул, и не было силы, что могла вытащить его. Он тонул в безграничной тьме...

Карлос резко открыл глаза. Сон повторился. Давно не было. Так давно, что мог забыться. Значит, тревога была ненепрасной.

Тревога появилась, когда Карлос приехал в Вену выполнить пустяковый заказ. Чувство, возникшее вдруг, было таким сильным, словно в него воткнули иглу. Он ушел с аукциона, не выполнив заказ. Об этом волноваться не стоило. Клиент получит сообщение, что манускрипт XIV века, который хотел приобрести, подделка. Клиент будет рад, что эксперт сохранил ему большие деньги и честно заработал свои комиссионные.

Тревога сигналила из глубины. Ее огонек подпитывали мелкие случайности. Мелочи Карлос замечал всегда. Случайностей было много. Чье-то плечо, метнувшееся за колонну в зале «Dorotheum». Внезапная остановка скорого поезда там, где не было остановок. Двое восточных мужчин на пер-

роне, которые ощупывали лица пассажиров взглядом. Карлоса не удостоили внимания, но мелочь упала в копилку.

Пора вставать. По привычке он проверил датчики и камеры слежения, которые окружали квартиру, выводя картинки на монитор. Признаков посещения или интереса посторонних не было. Карлос размял мышцы, отдернул занавеску и вышел на узкий «французский» балкон, на котором еле помещались его голые ступни.

Майское небо горело голубизной. Деревья стояли в зелени. Можно радоваться жизни и открывшемуся пейзажу. С его балкончика Дунай не виден, хотя до него всего километра три. В качестве украшения можно считать боковую стену Океанариума, видневшуюся в отдалении.

Квартира помещалась на четвертом этаже шестиэтажного дома, похожего на прямоугольную коробку. За ним в цепочку, примкнув углами, стояло два таких же одинаковых дома. Рядом с ними располагались еще двадцать типовых строев. Жилой квартал находился в не самом престижном XXII округе Будапешта.

У жилища были преимущества более важные, чем архитектура. Поблизости располагалась развязка 73-го и 75-го шоссе, по которым можно уехать куда угодно на большой скорости. Перед домом – открытое пространство, на котором трудно остаться незамеченным. Ради этих преимуществ Карлос выбрал дом. Он всегда предпочитал открытые пространства.

Солнце слепило. Карлос сощурился, осмотрелся. И сразу заметил то, что было еще одной случайностью. На парковке перед домом посторонняя машина. Карлос знал машины соседей и машины, какие иногда останавливались здесь. Черный Opel появился впервые. Номер рассмотреть было трудно. Машина была поставлена так, чтобы наблюдать за домом. На парковке были пустые места, но водитель встал наискось. В машине двое. Тот, кто был на пассажирском кресле, указал на что-то другому. Водитель высунулся, чтобы бросить взгляд наверх, и принял обычное положение. Мелкие детали, которые можно заметить, если каждый день проверять. Карлос проверял. И был готов, что однажды что-то случится.

Он сладко потянулся, закинул руки за голову, подставляя подмышки солнцу, взъерошил волосы и пропел что-то бодрое и оптимистичное, что надо петь в такой чудесный день. С соседнего балкона за ним наблюдала соседка в легком халатике, какой носят незамужние женщины глубоко за тридцать.

Карлос смутился и засмеялся.

– Прекрасное утро, госпожа Черенци! – громко сказал он. – И прекрасный день! Будет прекрасный день! Целую ваши ручки!

Соседка улыбнулась, не в силах оторваться от мускулистого торса. Она знала: милый иностранец не женат.

– И вам прекрасного дня, господин Карлос! Собираюсь съездить на рынок за карпом. Вы любите карпа по-балатон-

ски, господин Карлос?

Он поцеловал кончики пальцев.

– М-мм, обожаю! Воскресный обед?

– Приглашаю отведать моего карпа. Вечером... Маленький праздничный ужин...

– Непременно, госпожа Черенци, если только дела позволят! Но спасибо вам невероятное за приглашение! – ответил он, как иностранец, имеющий право путать степени вежливости венгерского языка.

Разговор был достаточно громким, чтобы соседи за открытыми окнами слышали. Госпоже Черенци было все равно. Карлосу и подавно. У него репутация хорошего соседа, который никогда не отказывается от общественных дел, аккуратно вносит плату за газ, электричество, отопление и вообще милый человек: помогает пожилым дамам доносить тяжелые сумки до квартиры, не мусорит и не устраивает скандалов.

Карлос еще раз помахал соседке, зашел в комнату, напевая марш, под который следует маршировать в душ, и включил телевизор, чтобы были заметны блики на потолке. Если человек намерен завтракать дома, он включает телевизор. И залезет под освежающий душ.

8 мая, воскресенье
Вена, Singerstrasse, 3
Отель «Royal»
21.00 (GMT+1)

Запивать холодной водой венский шоколад Вагнёр терпеть не мог. Это как любовь без денег: мило, но драйва не хватает. Сидя в лобби-баре отеля, который он выбрал рядом с аукционным домом, чтобы не тратить время на переезды, Вагнёр глотал густую обжигающую жидкость и удивлялся тому, что происходило на экране ноутбука. Там не происходило ничего. Месье Шандор в Будапеште не подавал признаков жизни. Чего не могло быть.

Судя по истории платежей, Шандор не был шопоголиком, делал только необходимые покупки, но раза три-четыре за день его карточка прокатывалась. Конечно, Будапешт не Париж, но не может человек, приехав в незнакомый город, не поселиться в отеле, не зайти в кафе, не купить пачку сигарет или гамбургер. Вагнёр на всякий случай взломал личную почту Шандора. Почта оказалась скучной – только письма археологам и от археологов. Никаких сообщений о планируемых поездках и просьб приютить в Будапеште. Он был уверен: у француза нет тайных знакомых в столице Венгрии. Куда же он делся? Сидит на лавке с рюкзаком? Полиция и

больницы исключаются, это Вагнёр тоже проверил.

Пришлось влезть в телефонную базу, что он позволял себе в крайнем случае. Биллинг обрывался посередине между Венной и Будапештом. После чего номер стал неактивен, сеть не регистрировала его в пассивном режиме. Значит, сим-карта вынута из телефона. Неужели опытный?

Загадка вызвала ощущение настоящей охоты. Зверь попался не беспомощный. В этом Вагнёр убедился, когда от клиента пришло паническое сообщение: Шандор не приехал на вокзал, спрыгнув с поезда. Ожидать столь резвого поступка от ученого-археолога было невозможно. Так мог действовать человек, у которого был план. Он знал, что за ним следят, и подстраховался. Грамотно и надежно. На некоторое время стал невидимым.

У Вагнёра мелькнула мысль: если француз столь хитер, возможно, он догадывается, насколько прозрачны электронные платежи и телефон. Нет, это слишком. Он же не от полиции бежит. Всем известно, что в Европе только полиция имеет право отслеживать цифровую жизнь граждан. Да и то по решению суда. Любой обыватель верил в этот миф. Археолог не должен быть исключением. Копается в своих могилах, откуда ему знать, как устроена жизнь на самом деле. Наверное, то, что сейчас он так умело пропал, – просто стечение случайностей.

Предположение сработало, как по заказу: по карточке Шандора прошла транзакция – куплен билет на утренний

рейс в Нью-Йорк. Поступок неожиданный, но возможный. Отчего бы человеку с французским паспортом не слетать в Америку, когда захотелось. Проще сразу лететь из Парижа, а не кружить по Европе, но кто знает, что творится в пыльных мозгах археолога.

До начала регистрации оставалось три часа, подручные клиента успеют в аэропорт. Вагнёр не стал отправлять сообщение, где искать Шандора. Он решил подождать и посмотреть, что будет дальше. Сейчас сделает покупки в дорогу.

Действительно, карточкой начали активно пользоваться. Только Шандор поступал настолько странно, что чашка с шоколадом зависла в руке Вагнёра. Вагнёр забыл обо всем, наблюдая за экраном.

Археолог купил билет на поезд до Берлина. Через пятнадцать минут – на автобус до Варшавы. А еще через четверть часа – забронировал каюту речного теплохода, путешествующего по Дунаю. Время отправлений примерно укладывалось в интервале часа. А телефон его не засветился в сети.

Настоящий сюрприз. Вагнёр понял, что француз вовсе не сошел с ума, а переиграл его. Переиграл вчистую. Повелителю цифрового мира нечего сказать заказчику. Разве что признать в беспомощности: жертва может находиться одновременно в четырех разных местах. Или ни в одном из них.

Вагнёр понял, насколько ошибся. В самом начале, когда копнул биографию Шандора. Спутал институт Археологии Парижа. Логичная мысль: что может быть скрытого в жиз-

ни человека, копающегося в старых черепках и костях? Хорошо хоть мобильником пользоваться умеет. В его ошибке большая доля вины клиента. От Вагнёра скрыли нечто важное. Информация о краже должна была быть раскрыта вся. Теперь он заставит клиента выложить карты на стол.

За дело надо браться всерьез. Отставив чашку со сладкой гущей, которую он любил вычерпывать пальцем, Вагнёр вгрызся в цифровые залежи. Через полчаса несложных розысков у него была информация, которая в корне меняла портрет Шандора. Вагнёр не на шутку разозлился на клиента: надо было держать его в дураках!

Гнев остыл быстро. Вагнёр не умел предаваться сильным эмоциям. Аналитическое мышление должно заработать в полную силу. Заказ надо выполнить: клиент может создать серьезные проблемы, разбираться с которыми нет желания. Он поманил официантку в кружевном переднике и заказал еще чашку шоколаду.

Во-первых, надо забыть о том, что было придумано ранее для синьора Карлоса. Как бы ни хотелось, сейчас не время. Нужны другие варианты. Вагнёр прикинул несколько путей выхода из ситуации, в которую попал. Каждый был хорош, но имел существенный недостаток: не гарантировал стопроцентный результат. Чтобы он был, Вагнёру надо включаться самому. Чуть ли не своими руками. И все равно никакой гарантии. Слишком непредсказуемый попался зверь.

Гениальная мысль пришла, как всегда, случайно. Вагнёр

буквально увидел, что надо сделать, чтобы связать все ниточки в тугой узел. Который затянется удавкой на шее Шандора. А синьор Карлос – тот самый, который оказался в аукционном доме, – станет важнейшей фигурой партии, которую будет вести Вагнёр. Как всегда, невидимый и всемогущий.

Он похвалил себя, назвав «умницей», и допил шоколад. Игра, которая должна была закончиться полной и окончательной победой, начиналась сначала. Только ставки повысились. На кону была жизнь Вагнёра. Это чудесно! Он ждал такого приключения скучные годы, проведенные в Париже. У него появился соперник, который был по-настоящему интересен. Случайная встреча в аукционном доме «Dorotheum» оказалась слишком важной. Главное, чтобы синьор Карлос пребывал в неведении.

Вагнёр вычерпал гущу, смачно облизал палец и, тыкая в клавиши, заказал билет на ближайший поезд в Будапешт. Ближайший отходил рано утром. До отъезда и в дороге предстояло сделать несколько телефонных звонков и порыться в закромах цифрового мира, где он властвовал безраздельно. Предстояло много работы.

8 мая, воскресенье

XXII округ Будапешта, улица Tűzliliom

8.15 (GMT+1)

Наслаждаться душем было некогда. Сборы заняли секунды. Он надел майку, шорты и кроссовки для бега, нацепил наушники, натянул на предплечье толстую резинку с закрепленным на ней смартфоном, на шею накиннул полотенце и завершил образ узкими спортивными очками от солнца.

Вместо того чтобы сбежать по лестнице, Карлос поднялся на последний этаж, прислушался. За дверями соседей доносился мирный бытовой шум. Карлос забрался по железной лесенке, ведущей к чердаку, и беззвучно открыл замок. Замки не были для него проблемой. Подтянувшись, он влез на чердак и аккуратно закрыл за собой люк. Чердак был такой низкий, что приходилось бежать пригнувшись. Карлос не блуждал, а напрямик добрался к выходу на крышу. Еще один замок поддался так же безропотно.

Карлос оказался на плоской крыше, на которой было по-настоящему жарко. Загорать он не собирался. Согнувшись, чтобы случайно его не заметили снизу, он бегом добрался до стыка дома с соседней крышей, преодолел небольшой подъем и промчался до следующей. Здесь вскрыл еще один люк, пробрался через чердак, который знал как свой собствен-

ный, и спустился на последний этаж дальнего дома. Маршрут через чердаки был еще одним скрытым преимуществом квартиры. Запасной путь отступления мог пригодиться. Чтобы спасти жизнь. Сегодня он помог выйти незамеченным.

Карлос включил музыку, чтобы она просто рвалась через наушники, и начал пробежку трусцой по очень широкой дуге. Так, чтобы забежать в кофейню за большим стаканом молочного коктейля.

Черный Opel торчал на том же месте. Ахан мучился от безделья. Откинув пассажирское кресло, он растянулся во весь рост.

– Сходить за кофе?

Мас уперся руками в руль и смотрел на распахнутую балконную дверь квартиры, из которой долетал шум телевизора и шевелились шторы.

– Он скоро должен выйти.

Ахан и так знал, что прогуляться его не отпустят.

– Кто он такой?

– Какая разница? Господин Шер приказал. Следи за выходом из дома.

Ахан оживил айфон. На экране проявилась фотография мужчины анфас, какие делают для водительских прав. Обычное европейское лицо, сорок пять лет, испанская фамилия. Какое он имеет отношение к человеку, которого они искали? Ахан не понимал, для чего они сидят здесь с пяти утра. Но вопросы не задавать привык.

Размяв затекшие плечи, Мас хотел уже подбодрить заску-чавшего напарника, но не успел. Что-то большое врезалось в боковое зеркало, грохнулось на капот, в лобовое стекло брызнула белая жижа. Все случилось так быстро, что Мас и Ахан две-три секунды сидели неподвижно. Пока на капоте машины кто-то барахтался.

Первым среагировал Мас. Выскочил, когда бегун, перема-занный густой гадостью с запахом ванили, свалился ему под ноги. Бегун подскочил и стал что-то лопотать по-венгерски, прижимая к сердцу руку, в которой был зажат смятый бу-мажный стакан. Наверно, просил прощения. Из съехавших наушников грохотала музыка.

Ахан вылез и растерянно взирал на загаженное стекло. Он ждал приказа от старшего. Масу приказывать было нечего. Он видел, кто споткнулся об зеркальце. И не знал, что де-лать. Зато бегун-неумеха проявил чудеса вежливости. Со-рвав с шеи полотенце, принялся растирать по лобовому стек-лу молочный коктейль. Так старался, что замазал его окон-чательно.

Мас рассерженно отмахнулся от услуг. Он не знал, как прогнать этого человека, и закричал:

– Get out! Get out!

Бегун развел беспомощно руки и протянул Масу полотене-це. К полотенцу Мас не притронулся. Полез на водительское кресло, прикрикнув на Ахана, чтобы тот не стоял как столб. Ахан, совсем не понимая, что происходит, уселся на свое ме-

сто.

– Зачем кричишь? – мирно спросил он.

– Закрой дверь! – рявкнул Мас и крутанул зажигание так, что мотор задохнулся.

Ахан послушно хлопнул дверцей.

– Я не понимаю...

– Протри глаза! Это он!

Машина, наконец, завелась, Мас дал задний ход, резко вывернул и нажал педаль газа. Бампер врезался в бордюр. Ехать с запачканным стеклом было невозможно.

– Что смотришь? Иди! Вытирай!

Ахан понимал, что старшему надо выместить гнев. Кто подходит для этого лучше напарника?

– Точно он? – осторожно спросил Ахан. – Мы же следили за входом...

– Испанец обвел тебя вокруг пальца, как болвана! – закричал Мас. – Что будем докладывать господину Шеру?

– Надо доложить то, что случилось... Может быть, это важно...

– Какой ты мудрец... Иди, вытирай!

Ахан был не согласен, что провели именно его. Он был не согласен, что должен заниматься низкой работой уборщика. Но возражать не стал. Полез в бардачок, чтобы найти какую-нибудь тряпку.

...Помахав машине, о которую споткнулся, Карлос вернулся домой через парадный вход. Сбросил запачканную

футболку, сел за ноутбук. У него были возможности быстро проверить австрийские номера машины.

Opel принадлежал компании Buchbinder, которая сдавала машины в аренду. Оплата проведена по карточке банка с Каймановых островов три дня назад. Водителя и пассажира он где-то видел. Причем недавно. У Карлоса была отличная память на лица: эти двое выделялись в «Dorotheum» тем, что следили не за лотами, а осматривали зрителей. Как будто кого-то искали. В тот раз не удостоили его вниманием. Что изменилось?

Карлос сходил в душ и выключил воду. Счетчик накрутил, наверное, кубометров десять. Прилежному жильцу на воде надо экономить. Как и на всех коммунальных расходах. Так все живут.

Пискнул звоночек. В почту пришло сообщение. Письмо от незнакомого адресата. Карлос не любил писем с незнакомых адресов. Особенно если они зарегистрированы на Барбадосе. Новый клиент просил о встрече, обещая выгодный контракт. Карлос предпочитал не иметь дела с новыми клиентами и контрактами. Ему было достаточно старых. Но у легальной компании должна быть почта. На которую каждый может прислать запрос на встречу.

То, что письмо пришло сегодня, могло быть случайностью. Но что-то многовато случайных событий за последние сутки. Так заплетается невидимая сеть, в которую хотят кого-то поймать. Не пора ли разорвать ее. Карлос решил не

уклоняться: ответил и назначил визит на четыре часа у себя в офисе. Он всегда был готов к тому, что может случиться.

8 мая, воскресенье

Будапешт, улица Ракоци

Коворкинг Budapest EMKE

11.45 (GMT+1)

Ничего не происходило. Совершенно ничего. Ни одного достойного происшествия, ни одного убийства или кражи. Никаких новостей. Эмигранты надоели, украинцы с их проблемами наскучили, президент Урбан давно не радовал поступками. Проклятый май, как всегда. Из года в год – пустота. Обыватель любит узнавать о страшных происшествиях из газет и телевизора. Правда, чтобы все страшное случилось где-нибудь, но только не рядом. Обыватель любит покой и порядок. Порядок, который ненавидит любой журналист. Особенно если не просиживает в редакторском кресле, а бегаёт, как голодный волк.

Катарина Тиль зарабатывала на жизнь самостоятельно. Такая жизнь ее устраивала. На визитной карточке у нее было написано: «Корреспондент Stern». Имя знаменитого немецкого журнала помогало пролезть на нужное событие или взять интервью у звезды. На самом деле Катарина работала стрингером на всех, кто платил за новости. Она арендовала стол в большом коворкинге, чтобы быть в гуще жизни. Иногда, слушая болтовню на общей кухне, выуживала интерес-

ные события, о которых никто не знал.

Расположение офиса позволяло оказаться в любом районе столицы примерно за одинаковое время. Если надо – и в любом месте Восточной Европы. Так уж счастливо римляне основали Аквинкум². Только двигаться из удобного центра было некуда. Город наполнили толпы туристов, которые вытеснили даже мигрантов. Катарина изнывала от тоски и безделья, с некоторой тревогой наблюдая, как истекают форинты на счете. А новые не думают появляться.

На столе завибрировал смартфон. Катарина прочистила горло и нажала кнопку ответа.

– Будапештское бюро «Штерн», добрый день. Меня зовут Катарина, чем могу вам помочь?

Никто не давал ей право называть себя «будапештским бюро». Но никто и не запрещал. Все равно новости из Венгрии приходили в основном от нее. Маленькое жульничество было оправданно.

– Вас зовут Катрин?

Голос глухой, как будто мужчина зажимал телефон ладонью.

– Катарина, – поправила она. – Чем могу вам помочь?

– Хорошо, Катарина... Вы можете мне помочь, да...

Звонивший говорил по-венгерски с сильным акцентом. Точно не немецким, французским или испанским. В сущности, какая разница.

² Название римского поселения, на котором впоследствии возник Будапешт.

– Простите, как вас зовут?

– Меня зовут Ференц... Называйте меня так...

Показалось, что мужчина только что придумал себе имя. Катарина научилась определять, с кем говорит. Часто звонили сумасшедшие и просто психи. Которых атакуют инопланетяне или они видели в Балатоне доисторическое чудовище. Правило журналиста: любого звонившего надо было выслушать до конца. А вдруг сенсация... В этот раз шансы были минимальны. Тем более номер не высветился. Катарина уже представила, с кем разговаривает.

– Спасибо, Ференц, какое у вас сообщение?

– Катарина, на что вы готовы ради настоящей сенсации?

– Долг журналиста сообщать читателям обо всем самом важном, – ответила она. Катарина подумала, что напрасно тратит время: наверняка псих. Сейчас расскажет про мировой заговор.

– Правильный ответ, но бесполезный, – сказал он. – Если потребуются рисковать жизнью, что вы скажете?

Прогноз оправдывался: нет, не псих, натуральный сумасшедший. Только обилие времени удержало Катарину от того, чтобы отключиться.

– Журналисты рискуют своими жизнями в горячих точках по всему миру.

– Я знаю. В мирном городе вы готовы рисковать?

Разговор начинал раздражать. Катарина сдерживалась еле-еле.

– Господин Ференц, если у вас есть новость, я готова вас выслушать. У меня очень много работы.

– Понимаю, – звонивший глубоко вздохнул. – Вы думаете: звонит очередной сумасшедший. Хорошо... Я ученый археолог, до недавнего времени сотрудник института Искусства и Археологии. Не принимаю наркотики, не пью успокоительные таблетки, не курю, вино – только за обедом. Последние двадцать лет проводил по восемь-десять месяцев года в экспедициях. Я в здравом уме и понимаю, как тяжело поверить журналисту неизвестному, который звонит и сообщает, что у него есть бомба, взрыв которой может уничтожить многих.

– Я вам верю, – выпалила Катарина, прежде чем успела подумать. Было что-то в словах странного человека, вызывающее доверие.

– Спасибо. Для начала это немало.

– Что за сенсация у вас?

– Подробности отрежут дорогу назад.

– Почему?

– Вам придется рисковать жизнью. На самом деле вы уже рискуете. Наш разговор могут прослушивать. Так что самое время дать отбой.

– Вы звонили в другие редакции? – догадалась она.

– Вы сообразительная девушка.

– Хотя бы намекните, о чем ваша информация?

– Аббревиатура ASE вам о чем-то говорит?

Катарина быстро погуглила. Выпали сообщения: круп-

ная китайская торгово-промышленная группа, ассоциация научного образования, какие-то ядерные исследования, курьерская служба, американская врачебная ассоциация, система принятия решений для финансовых брокеров, ассоциация астронавтов и космонавтов, альянс сохранения энергии, союз австралийских киноредакторов и прочая совершенно безобидная ерунда.

– Как вы убедились, ничего интересного для журналиста, – продолжил он.

– Тогда в чем же сенсация?

– Наберите: Antiquities Service of Egypt.

Катарина постучала клавишами. Ссылок выпало много.

– Они теперь называются: Supreme Council of Antiquities, SCA. Это официальная организация по защите египетских древностей. Фактически министерство, выдает разрешение на проведение раскопок, следит, чтобы из страны ничего не вывезли нелегально, в ее подчинении Египетский музей. Вы немного ошиблись в аббревиатуре.

– Я не ошибся. Служба древностей Египта не совсем то, о чем можно найти информацию в Интернете. Потому, что ее там нет. Ее нигде нет. Истинное значение скрыто от всех.

– Что же оно скрывает? – спросила Катарина, прокручивая страницы поиска.

– Могу рассказать только при личной встрече.

– Сегодня, к сожалению, у меня весь день занят, – сказала Катарина, чтобы звонивший не думал, что она кинется по

первому свистку. Время журналиста «Stern» на вес золота, его день расписан буквально по минутам.

– Завтра в полдень, в кафе «Жербо», – предложил Ференц. – В это время там мало народа.

– Пожалуй, смогу... Как я вас узнаю?

– Садитесь на улице под зонтиком, я вас узнаю сам.

Звонивший отключился.

Катарина даже не успела поставить условия. Хотя встреча в таком месте была лучшей гарантией безопасности. Если бы Ференц предложил встретиться в парке ночью, у нее вряд ли хватило куража. А в кафе, где полно туристов... Отчего бы и нет? Вдруг выпал счастливый билет, о котором мечтает каждый журналист. Только сейчас Катарине пришла очевидная мысль: если он ее узнает, значит, уже видел. Наверняка видел.

За ней что, следили?

9

8 мая, воскресенье

Будапешт, площадь Марии Ясаи

Kubik Coworking

16.01 (GMT+1)

Наблюдать и оценивать, что происходит вокруг, стало автоматической привычкой. Карлос делал это не задумываясь. За полчаса до встречи он совершил прогулку по окрестностям.

Его офис располагался в большом семиэтажном здании с замковыми башенками, которое стояло на набережной Дуная напротив острова Маргит. Слева виднелись будайские холмы. Карлос снял отдельную комнату в коворкинге за 385 000 форинтов в год. Кроме приемлемой цены, достоинством помещения был доступ в него 24 часа в сутки и площадь имени великой трагической актрисы Марии Ясаи перед окнами. Комната была тесной, стены – временные перегородки. Шум из общего зала мешал нечасто. Потому что Карлос предпочитал бывать в этом замкнутом пространстве как можно реже.

Он не заметил ничего подозрительного. Бродили туристы, редкие местные жители неторопливо шли по своим делам. Карлос уже наметил вернуться, когда из-за угла проспекта Святого Стефана вырулила Volvo представительского клас-

са. Ничего необычного в машине не было. Кроме посольских номеров.

С такого расстояния трудно разобрать, кто находится в машине. Салон же ее явно полон: не менее трех человек. С переднего сиденья выскочил мужчина в серой куртке, распахнул заднюю дверцу. Из нее показался невысокий господин в дорогом черном костюме. Он начал что-то энергично говорить. Пассажир в серой куртке почтительно замер. Водитель присоединился к ним. Карлос наблюдал: обычная уличная сценка. Наконец серьезный господин наговорился и неторопливо двинулся по направлению к дому с башенками, иногда оглядываясь. Водитель и пассажир полезли в машину. Карлос всегда был рад встретить знакомых. Особенно когда те не замечали его. Утренние гости серьезно повысили класс машины. Или не отмыли «Опель» от коктейля.

...В дверь постучали. Карлос заранее встал и пригласил войти. Появился господин, который проделал путь через площадь. Он вежливо осведомился, правильно ли он попал. Карлос представился. Ему протянули руку и попросили обращаться «господин Шер». Карлос указал на гостевое кресло – единственное, что поместилось в офисе.

– Позвольте один вопрос, господин Шер?

– Разумеется, господин Карлос, – вежливо улыбнулся гость. По-венгерски он говорил неплохо. Холеное лицо с загорелой кожей, благоухание дорогого парфюма. Наверняка занимает неприметную должность заместителя атташе по

культуре. Или что-то подобное.

– Каким образом нашли мою фирму? – спросил Карлос.

– Рекомендовал один из моих знакомых. Он сказал, что в своем деле вы настоящий профессионал.

– Не затруднит сообщить, кто именно?

Господин Шер маслено улыбнулся.

– Ваш друг сказал, что вы достаточно проницательны, чтобы об этом догадаться.

Карлос удовлетворенно кивнул.

– Чем могу помочь, господин Шер?

Смартфон издал тихий звончок. Карлос посмотрел на экран: на счет пришла сумма в 50 000 евро. Платательщик – банк на Каймановых островах. Тот же, с которого оплачивали аренду черного «Опеля».

– Как вы только что убедились, наши намерения самые серьезные, – сказал господин Шер. – Это аванс, который в любом случае останется у вас. После выполнения заказа сумма утроится. Все накладные расходы за наш счет. Гонорар вас устроит?

– Зависит от того, что нужно сделать.

Господин Шер удовлетворенно кивнул.

– Большой гонорар предполагает большую ответственность.

– Полностью согласен, – сказал Карлос. – Будет проще, если мы сразу перейдем к делу. Прежде чем обратиться ко мне, вы навели справки. Вам известно, что я всегда выпол-

няю взятые обязательства.

– Прекрасно, господин Карлос. Это я и хотел услышать. Мы не будем утруждаться заключением договора. Потому что в таких делах бумага ничего не решает. Решает результат. Если результата нет, бумага не поможет. Вы меня понимаете.

Это был не вопрос, а утверждение. Карлос принял его.

– Пропала редкая и ценная вещь, которую надо найти любой ценой, – продолжил господин Шер. – Сделаю уточнение. Мы знаем, что вор находится в Будапеште и что вещь у него. Вы найдете этого человека и вещь. Или самого человека.

– Может, стоило обратиться в полицию? Или детективное агентство? Я всего лишь консультант по антиквариату, – развел руками Карлос. – Вы уверены, что обратились по адресу?

– Мы совершенно уверены в ваших способностях, господин Карлос. Вещь антикварная. По вашей специальности. Найти вора я поставил условием потому, что он мог хорошо ее спрятать. Предположу, что вам легче найти человека, чем вещь. Когда найдете, передайте его нам. Договор будет считаться исполненным. Согласны?

Господин Шер готов был протянуть ладонь, но ждал первого жеста. Карлос позволил паузу, как будто принимал трудное решение. Он прислушивался к себе.

Тревога стихла. С заказом трудностей не будет. Иногда к нему обращались не только чтобы получить вещь для коллекции, но разыскать пропажу, которую не могла найти доб-

лестная полиция. Он знал, что делать, и был уверен, что разыщет укравшего. Даже если тот сбежит из Будапешта. Проблема в другом: надо ли ему братья? Он отчетливо понимал, кто находится перед ним. Такие люди не знают благодарности, они действуют по принципу: после выполнения задания не должно остаться посторонних, которым известно лишнее. Вопрос денег вообще нельзя брать в расчет. Карлос взвешивал, что будет, если он откажется. То, что называется интуицией, подталкивало: отказываться нельзя. Ему захотелось рискнуть.

– Дам согласие при одном условии... – наконец сказал он.

Клиент улыбнулся так снисходительно, будто условия ставит он.

– Конечно, господин Карлос, что угодно...

– Назовите, кто именно рекомендовал меня.

– Профессор Дьёрдь, – последовал ответ, как будто господин Шер его и ждал.

Они пожали руки. Договор был заключен.

– Мне нужны все материалы по пропавшей вещи и все, что известно о похитителе, – сказал Карлос.

– У вас на почте.

Единичка в красном кружке появилась на иконке почты.

– Спасибо за оперативность. Во сколько вы оцениваете пропавшую вещь?

– Для нас она имеет чрезвычайно высокую ценность.

– Вы можете сказать, что именно пропало?

Добрая часть восточного обаяния господина Шера улетучилась.

– Вещь находится в старинном кувшине, – приказным тоном начал он. – Кувшин запечатан восковой пробкой. Открывать и заглядывать внутрь запрещено. Категорически. Это условие не обсуждается. Последствия будут чрезвычайно печальны. Лично для вас. Сдержите любопытство и не пытайтесь обмануть, мы все равно узнаем.

– Значит, мне надо найти неизвестно что.

– Вы непременно найдете, – господин Шер снова стал улыбочивым. – Информации вполне достаточно. Ваша цель – кувшин. Его примерный вид найдете на почте. Повторю: вид примерный.

– Вещь пропала здесь... – Карлос чуть было не сказал «в посольстве».

– Нет, далеко отсюда.

– Как обнаружили пропажу?

Вопрос был неудобен господину Шеру.

– Вор не знал про камеры скрытого наблюдения, – ответил он. – Это его ошибка.

– Почему нет снимка самой вещи?

– Потому, что его не может быть, – ответил господин Шер, вставая. – Прошу держать меня в курсе ваших действий. Надеюсь, вам хватит трех дней, чтобы решить проблему. Справитесь быстрее, гонорар удвоится.

Завибрировал смартфон. Господин Шер кивнул на про-

щение и стал быстро говорить на фарси. Он был уверен, что испанец не знает этого языка.

Карлос подождал, пока гость пересечет площадь, и сложил ноутбук. Он думал, что означают слова Шера, которые успел услышать, пока тот уходил: «пусть добудет всю информацию. Этот испанец хитер, как пустынный лис. Мне нужны гарантии, что он не улизнет в последний момент». В одном можно не сомневаться: таких клиентов у него еще не было.

8 мая, воскресенье

Будапешт, предместье Гёдёлё

17.49 (GMT+1)

Клиент был мечтой любого мальчишки-курьера. Мало того что князь Польфи заказывал пиццу каждый день, так еще награждал за быструю доставку такими чаевыми, что можно было бездельничать три дня. За его заказы шла нешуточная борьба. Имре сильно повезло. Все были на разездах, заказ прилетел как подарок от Санта-Клауса: пятнадцатилетний мальчишка зарабатывал на летний отдых.

Повар загрузил в теплый кофр коробку с «Маргаритой» и «Наполитано», аппетит у князя был отменный, сунул курьеру чек. Как обычно, князь собирался платить наличными. Имре прикинул, что заработает тысячу форинтов, не меньше. А то и побольше, если проявит старинную услужливость, которую князь обожает.

Имре нацепил велосипедный шлем, закрепил ремнем кофр на багажнике и оседлал скутер, украшенный логотипом пиццерии. Ехать примерно километра три. Князь жил в фамильном особняке, про который болтали всякое. При коммунистах семью князя не тронули. Польфи спокойно жили в своем доме при Габсбургах, при Хорти, при Наде и при Кадоре, как будто в мире ничего не происходило. Даже страш-

ная битва за Будапешт не затронула особняк.

Моторчик скутера весело тарахтел. Имре жмурился от заходящего солнца и поглядывал на часы. Он собирался побить рекорд доставки. Кажется, это удастся. Уже показались острые башенки особняка. Имре подрулил ближе к тротуару, чтобы вписаться в поворот по малому радиусу, как делали настоящие автогонщики. Он заложил руль вправо и ухнул в темноту. Последнее, что он заметил: что-то большое и толстое, похожее на кулак, летящее прямо в нос.

Мальчишка рухнул, как подкошенный. Скутер лежал на боку, колесо беспомощно крутилось.

На шоссе было пусто. Крепкий мужчина, весом больше ста десяти килограммов, с густой рыжей бородой и в черных очках огляделся. Он поднял обмякшее тело и бережно положил в придорожную траву.

– Прости, малыш, – сказал он, нежно похлопав по щеке. Парнишка отдыхал в глубоком нокауте.

Толстяк уселся на скутер, прогнувшийся по его весом, и крутанул ручку газа.

Князь Польши настолько потерял терпение, что вышел встречать. Наконец донеслось тарахтение, в ворота въехал знакомый скутер. На нем восседал какой-то жирный тип в кожаных брюках, прошитых шнуровкой и украшенных цепями, в черной футболке и кожаной жилетке, на которой было нацеплено не меньше пяти килограммов железа. Голые руки поросли рыжими волосами. Этого курьера князь видел

впервые.

Скутер затормозил в шаге, так что князь невольно отступил. Толстяк приветливо помахал, обдав запахом немых подмышек.

– Не опоздал, ваша светлость? – прокричал он.

Такое обращение князь не терпел. Демократия тоже должна иметь границы.

– Кто вы такой? – строго спросил он.

– Гёза я, – сказал доставщик, перекидывая ногу в остроносом ботинке и принимаясь за кофр. – Наши в разъездах, так меня Дерек попросил подсобить. А мне что, не трудно!

Дерек был владеец пиццерии, князь его знал.

– Хорошо, поторопитесь.

Гёза откинул крышку кофра и вытащил картонные коробки. Пахнуло ароматом, от которого князь невольно облизнулся. Гёза повернулся, чтобы сунуть в руки князя доставку, но что-то пошло не так. Он запнулся, не удержал равновесие и вскинул руки. Коробки вспорхнули и шмякнулись на землю. Князь не верил своим глазам: вожденная пицца валялась как какой-то мусор. Первым порывом было поднять и спасти хоть что-то, но князь удержался.

Невезучий доставщик почесывал в затылке.

– Ах ты, какая досада... Ну, всякое бывает... Я вам заплачу...

– Не надо платить! – чуть не вскричал князь, не в силах оторваться от жуткого зрелища сыра на камнях. – Немедлен-

но возвращайтесь и передайте кому угодно, хоть самому Дереху, привезти заказ! Убирайтесь...

– Виноват так виноват, – толстяк развел руками. – Что могу для вас сделать?

– Ничего не надо! Благодарю! Уезжайте!

– Так нельзя, надо вину загладить... Слыхал, вы разными вещицами интересуетесь?

– Что? – смысл сказанного не сразу дошел до князя. Он так искренно и глубоко переживал гибель пиццы, что прочее не имело значение. – О чем вы?

– Антикварными редкостями занимаетесь?

В этом не было секрета. Весь Будапешт, если не вся Европа, знал, что князь – заядлый коллекционер древностей. Вот только никто не видел его коллекцию. Шептались, что в ней можно найти много редкого и диковинного. Слухи были только слухами, потому что князь никого не пускал в свой особняк. И экскурсий не проводил.

– Вам какое дело... – князь неодобрительно оценил внешний вид толстяка, – господин Гёза?

– Да вот, разрешите услугу вам оказать.

– Вы? Мне? Услугу? Как мило. Ну, попробуйте...

– Есть у меня знакомый, так вот у него имеется...

– Старые монеты? – перебил князь. – Не трудись, фальшивки мне исправно приносят чуть не каждый день.

– Нет, не монеты, – Гёза поглядывал на часы, прикидывая, когда парнишка очнется. – Есть у него какая-то вещь,

на которую покупателя ищет.

– Ворованная?

– Нет, говорит, честным путем досталась. Точно не из музея.

Князь презрительно улыбнулся.

– Что же это за вещь?

– Не знаю, приятель не говорит толком, секретничает, видно, боится. Я понял, что вещь хранится в старинном кувшине.

– В кувшине?

– Очень древний кувшин. Мы тут сидели с ним, выпили немного больше, чем надо, так говорит, проверил по Интернету – стоит не меньше ста тысяч!

– Ста тысяч форинтов? – спросил князь, незаметно втягиваясь в разговор.

– Да что вы, долларов!

Польфи знал, что у дилетантов могла оказаться вещь, настоящую цену которой знает только специалист. Сто тысяч на самом деле могут тянуть на миллион. Такие находки редкие, но самые удачные.

– Что же он не продал эту вещь до сих пор?

– Боится. Хочет найти настоящего покупателя...

– Я дам адрес одного эксперта по антиквариату, он посмотрит и оценит. Если вещь стоящая, возможно, куплю...

Гёза нагло засмеялся.

– Ну да, конечно. Так он и пошел к оценщику. И говорить

не о чем. Его в Америке и Китае уже ждут, только он боится через таможенную сойти. Мало ли что...

– Пусть свяжется с моим секретарем...

– Как хотите, князь, я вам услугу оказать хотел... Как знаете, – Гёза захлопнул крышку кофра, уселся на скутер и крутанул ручку газа. – Простите, скажу, чтоб с меня вычли, а вам новую привезем...

– Стойте... – Князь достал из серебряной визитницы карточку с гербом. Коллекционный картон и печать с глубоким тиснением. Высокий шик для тех, кто понимает. – Пусть ваш приятель позвонит. Как его зовут?

– Ференц.

– Пусть назовется, скажет, что от вас.

Гёза небрежно сунул карточку во внутренний карман жилетки.

– Еще раз мои извинения!

Моторчик взвыл. Как игрушечную лошадку, Гёза развернул скутер руками, опустил колеса и поехал к воротам. Оглянулся и помахал на прощание.

Доехав до места, где несчастный Имре, сидя в траве, вертел головой, Гёза положил перед ним скутер.

– Осторожней, парень, надо быть, – он кинул купюрами двойную цену пиццы. – Скажешь, что заказ доставлен, князь хочет еще.

Плохо соображающего паренька Гёза посадил на скутер, заботливо поправил шлем и подтолкнул в сторону пиццерии.

Когда тарактение укатилось по шоссе, Гёза вытащил смартфон и нажал кнопку.

– Порядок, он клюнул. Дальше сам.

8 мая, воскресенье

Будапешт, площадь Марии Ясаи

17.00 (GMT+1)

Ближайшим трамваем оказалась «двойка». Желтый вагончик, чем-то неуловимо напоминавший золотые годы империи, подкатил к остановке, чтобы послушным осликом принять пассажиров. Его маршрут проходил по набережной Дуная. Что Карлоса устраивало. Он зашел на заднюю площадку, занял угловое кресло, включил планшет и занялся присланным досье. Чтобы найти вещь, надо найти человека. Информации оказалось мало, но для первой оценки личности достаточно.

Карлос рассматривал фотографию. Он был уверен, что видел этого человека. Видел мельком, но запомнил. Память исправно перемотала ленту.

Поезд из Вены тронулся, когда по вагону первого класса неторопливо прошел припозднившийся пассажир. У него было крепкое телосложение, растрепанные волосы и неопрятный вид, как будто он спал в одежде. Карлос приметил огромный рюкзак альпиниста, вытянутый вдоль спины до коленок. Гор, кроме горы Геллерт, в Будапеште не имелось. Редкий турист ехал из Вены осматривать вторую столицу с таким рюкзаком. Кто он? Разве что студент. Пасса-

жиру было за сорок. Возраст не для альпинистского рюкзака. Карлос отметил, что они с Франсуа Шандором примерно ровесники. Двадцать лет назад Шандор окончил Сорбонну, факультет истории искусств и археологии. После чего поступил в смежный Institut d'Art et d'Archéologie³. Где проработал последние двадцать лет. Научных работ у Шандора были считанные единицы, в круг его интересов входил Ближний Восток. Ни научной степени, ни преподавательской практики у него не было. Совершенно невзрачный, если не сказать серый, ученый.

До погружения в науку Шандор успел послужить в армии, а затем в Иностранном легионе. Что было несколько странно. Причем в легионе прослужил всего два года. Вероятно, контракт был прерван. По какой причине, в досье не уточнялось. Шандор был женат, детей у него не было. Жил в собственном доме в предместье Парижа. Карлос помнил, что это далеко не элитный район. В досье сообщалось, что отец Шандора, Златан, бежал во Францию после Венгерской революции 1956 года. Он был активным участником боев, имел ранения. Получив статус политического беженца, Златан женился на француженке, поступил на факультет, на котором потом учился его сын. На этом сведения были исчерпаны.

Карлос открыл присланные фото. Снимки взяты из Интернета: глиняные кувшины, характерные для Карфагена и

³ Институт Искусства и Археологии.

Финикии. Карлос не имел дела с такими древними предметами и ценность их представлял приблизительно.

Господин Шер явно преувеличил, когда назвал собранное досье «все, что вам нужно». Информация скорее указывала на то, сколько было скрыто от консультанта по антиквариату. Надо браться самому.

На такой случай Карлос пользовался возможностями, которые не дает Гугл. Первым делом он проверил одно предположение. Фамилия Шандор нашлась в списке пассажиров рейса Air France из Парижа в Тегеран в начале апреля. Вот только обратно, судя по рейсам за последние две недели, Шандор не вылетал. По идее, сейчас он в Иране. Проверка сайта института показала, что Шандор был уволен примерно десять дней назад. Для дальнейших поисков нужна была помощь. Карлос зашел в один из «темных» углов Интернета, в который без TOR-а соваться нечего, и запросил на бирже хакеров нужные пароли. Ему предложили за три биткоина. Карлос перевел оплату и получил доступ к банковской карточке Шандора.

Последние операции удивили. Шандор накупил билеты в разные страны почти на все виды транспорта. Это означало одно: он умело уходит от слежки. И знает, что за ним идет охота. Откуда у археолога такие навыки? Все-таки в Иностранном легионе не учат методам ухода от слежки. Если только за армейской службой не скрывается что-то иное...

Главный вопрос: зачем Шандор приехал в Будапешт? Ис-

тория платежей за последние три года не выявила его интерес к исторической родине. И вдруг купил билет до Вены, а затем и до Будапешта. Почему сразу не улетел из Парижа? Если он хочет продать украденное, для чего выбрал не самый богатый покупателями антиквариата город мира? Понятно, что Лондон с «Christie's» и «Sotheby's» для него закрыт. В венском «Dorotheum» тоже тщательно проверяют происхождение вещей. Но в Китае, Гонконге и Америке он мог сбыть товар куда проще, а заработать значительно больше, чем в Венгрии. Зачем совать голову в петлю?

Карлос сделал то, чего уже давно не практиковал: погуглил Шандора в зоне поиска Франции. О самом археологе новостей не было совсем. Зато по фамилии всплыло множество новостей. Примерно две недели назад в парижском пригороде был убит некий Златан Шандор. Его труп нашли в собственном доме. Судя по всему, напали грабители, которые искали деньги. Другие новости касались мадам Шандор, зверски убитой десять дней назад тоже у себя дома. В статье прямо не говорилось, но делался прозрачный намек, что женщину перед смертью пытали. Трудно предположить, что преступники случайно уничтожили его семью. Неужели Шандор испугался и сбежал? Что же за вещь, ради которой не жалко пожертвовать отцом и женой?

Трамвайчик прибыл на конечную. Карлос спрятал планшет в рюкзак и вышел. Он мог пересесть на «шестерку». Или вернуться обратным маршрутом. Цифровые технологии бес-

сильны, когда дело касается старых архивов. Сегодня городской архив закрыт. Надо дожидаться утра.

Для возвращения в офис Карлос снова решил ехать «двойкой». Трамвайчик как раз собирался отправиться. Карлос занял все то же кресло. Пискнул смартфон. Клиент, который отправил его в Вену, жаждал встретиться завтра в кафе на площади Вёрёшмарти. Карлос ответил согласием.

Вежливо позвонив, трамвайчик тронулся в обратный путь. Карлос смотрел на Дунай, проплывавший за окном, и высокую Будайскую сторону. Он думал, что заказ стоил неприятного сна. Хотя о чем тревожиться в солнечном весеннем Будапеште?! Надо радоваться жизни. Сколько хватит сил. Радоваться, что сегодня вечером его ждал роскошный карп у доброй госпожи Черенци. Радоваться, что слезки за ним не было. Или Карлосу доверяли, или были уверены, что он никуда не денется.

12

9 мая, понедельник

Будапешт, площадь Вёрёшмарти

11.25 (GMT+1)

Чемоданчик должен быть на месте. Мужчина сошел с утреннего поезда и прошел к автоматическим камерам хранения вокзала Келети. Навстречу попался рыжий толстяк в поношенной футболке, кожаной жилетке и рокерских штанах. Насвистывая простенькую мелодию, он окинул дружелюбным взглядом и кивнул встречному, как старому знакомому.

Старых знакомых в этом городе у приехавшего не было. Тем более в зоне камер хранения. Он вежливо кивнул в ответ. Толстяк отправился по своим делам, за плечами у него болтался большой армейский рюкзак.

Он нашел нужную ячейку и набрал код. Пластиковый чемодан был легкий, что важно для передвижения по городу. В пакете из супермаркета лежала свернутая одежда. Пассажир скинул куртку от Hermes, засунул ее в пакет и переоделся в рабочую спецовку электрика, на спине которой был вышит логотип известной электротехнической компании. Свою кожаную сумку он оставил в камере, перенабрал новый код и захлопнул дверцу.

Старательно обходя камеры видеонаблюдения, электрик

вышел на площадь и сел в первый подошедший трамвай. Покружив на всякий случай, он вышел на углу улицы Вази, по которой туристов ходит во сто крат больше, чем горожан, и позвонил в дверь.

Он знал, как зовут консьержку, вежливо поздоровался тщательно выученной венгерской фразой, вместо документов показал надпись на куртке и направление наверх. Электрика пропустили без вопросов, проводив длинной тирадой, из которой он не понял ничего. Поднялся на последний этаж, нагнулся через перила, чтобы проверить, насколько любопытна консьержка. Пожилая женщина и не думала совать нос в электричество. В доме было тихо, шум долетал с туристического променада.

Универсальной отмычкой электрик открыл замок и проник на чердак. С него шагнул на узкий и прямой скат крыши, от которого отходили острые черепичные скосы. Было высоко, у неподготовленного человека затряслись бы ноги. Электрик быстро и уверенно прошел по скосу, поглядывая на окна мансарды, прорезанные в крыше. Его никто не заметил. Он перешагнул на крышу соседнего дома, не такого старинного, как соседний. Крыша была совершенно ровной и прямой. Электрика она мало интересовала. Он подошел к гладкой стене кубической надстройки, в которой помещался подъемник лифта. Куб возвышался метра на два.

Электрик вынул из кармана тонкий шнур с альпинистской кошкой, раскрутил ее и закинул. Коготь зацепился за вы-

ступ. К свободному концу шнура он привязал ручку чемоданчика. Натянув шнур, вскарабкался с ловкостью, неожиданной для грузного человека. Забравшись на вершину куба, электрик подтянул к себе чемоданчик и открыл его. В мягких выемках лежали части снайперской винтовки FN FNAR.

Винтовка была не слишком дальнобойной, но легкой, простой и чрезвычайно точной в стрельбе. Отличная переделка надежной охотничьей винтовки FN Browning BAR. Электрик собрал оружие так, будто только этим и занимался. В пазы закрепил мощный оптический прицел. Навернул глушитель. Защелкнул магазин с десятью патронами 7.62×51. Расставил сошки, на которые уперлась винтовка, и уткнул приклад в плечо. Позиция для стрельбы была стоя, не самая выгодная для меткого выстрела. Но для дистанции сто двадцать метров несущественно. Для того, кто умеет стрелять из любой позиции.

В центре города и при ясном солнце он был невидим. Даже с верхних этажей соседних домов заметить его было невозможно. Некрасивый куб прикрывался угловыми щитами. Даже если кому-то пришла бы в голову мысль разглядывать, чем там занимается человек на крыше, разглядеть черную винтовку было невозможно.

В оптике с тридцатикратным увеличением площадь была как на ладони. Правая сторона площади оказалась в мертвой зоне, зелень деревьев ограничивала передний сектор обзора. Но главные объекты просматривались без помех. Он был

уверен, что цель не станет прятаться под зонтиками, которые не попадали в зону видимости. Электрик хорошо представлял, с кем имеет дело. Он глянул на часы.

Оставалось чуть меньше четверти часа.

9 мая, понедельник

Будапештский городской архив

XIII округ Будапешта, улица Teve

10.01 (GMT+1)

Рабочий день и неделя только начинались. А перед Анике Полгар стоял чрезвычайно милый посетитель. Нельзя сказать, что к тридцати пяти годам Анике познакомилась со многими симпатичными мужчинами. Вернее было сказать, что ни с одним. Анике была не слишком красивой, но слишком застенчивой девушкой, чтобы прикладывать усилия для обустройства личного счастья. Она надеялась, что в один прекрасный день... Далее следовала старая сказка о принце и Золушке. Анике так искренне верила, что счастье однажды придет само, что видела его в каждом посетителе не старше шестидесяти, у которого не было на пальце обручального кольца.

У мужчины кольца не было. Зато были чудесные кудрявые волосы, очаровательная улыбка, и в целом он был тот красавец, о котором Анике мечтала. Хороший загар, хорошие зубы и хорошая одежда – чего еще желать скромной девушке. Оказалось, что сеньор Карлос откуда-то из Латинской Америки, но давно осел в Венгрии. Он так улыбался, что Анике не сразу поняла, что от нее хотят. Вопрос был пустячный:

отец сеньора Карлоса воевал против коммунистов с отцом некого Златана Шандора. Сын разыскивает родственников Шандора, чтобы передать им свое искреннее восхищение. Где именно испанец воевал с венгром против коммунизма, сеньор не уточнил. Анике это мало интересовало. Она думала, как поступить. Такой запрос требовал три дня на поиски. Но сеньор так улыбался...

Карлос спросил, что она делает в ближайшую субботу вечером. Сердце Анике сжалось: и сердце, и Анике были совершенно свободны. Для всего. Карлос сообщил, что будет счастлив отужинать с ней в одном из лучших ресторанов столицы. Анике больше не сомневалась. И взялась за клавиатуру.

Дело оказалось несложным. У господина Шандора, который родился в Будапеште в 1940 году, было две старших сестры. Каждая из них вышла замуж и сменила фамилию. Анике нажала клавишу, из принтера вылезла копия брачных свидетельств сестер. Дальше в дело могли вступать цифровые технологии. Карлос обещал позвонить накануне субботы, чтобы условиться о встрече, и оставил Анике в состоянии, близком к полному счастью. С женщинами он часто поступал так, как требовали обстоятельства. И никогда не испытывал раскаяния.

Уже в автобусе, который вез в центр города, Карлос знал, где живут тетушки Шандора. Около площади Вёрёшмарти,

где располагалось знаменитое кафе «Gerbeaud»⁴, он оказался за пятнадцать минут до намеченного времени. Карлос никогда не изменял привычкам. Площадь обошел вокруг, поглядывая и стараясь заметить любую мелочь. Признаков, которые заставили бы его уйти, не заметил.

Карлос выбрал столик так, чтобы видеть большую часть площади. За соседним столиком сидела девушка с огненными волосами, которая вела себя немного нервно. Когда Карлос подходил, она бросила на него такой взгляд, словно просила о помощи. Он вежливо улыбнулся, девушка тут же потеряла к нему интерес. Но не могла сидеть на месте. Оглядывалась и кого-то высматривала. Перед ней стояла чашечка кофе. Что для «Gerbeaud» было настоящим преступлением. За 150 лет здесь научились делать изумительные торты «Эштерхази» и «Добош», пирожные «Апельсиново-карамельное», «Королевское шоколадное» и «Лимон с базиликом». У девушки должны быть веские причины, чтобы от них отказаться. С такой фигурой она могла не думать о лишних калориях.

На часах было ровно полдень. Его клиент имел обыкновенные опаздывать. Карлос сделал заказ, не отказав себе в кусочке «Эштерхази». Молодой официант в белой рубашке с национальным орнаментом и коротком сером фартуке мастерски держал поднос на уровне плеча. Боковым зрением Карлос заметил слева вспышку, как солнечный блик от стекла...

⁴ «Жербо».

Официант повел себя странно. Резко дернул головой, будто хотел откинуть подальше бурую жидкость, которая брызнула фонтанчиком из виска, запрокинулся набок и упал под грохот подноса. Кофе полетел на брюки Карлоса.

Сработала автоматическая реакция. Карлос бросился вперед, не для того, чтобы спрятаться под стол, а закрыть рыжюю. Глупая девица, на глазах которой все случилось, не придумала ничего лучшего, как броситься к официанту. Которому помощь была не нужна. Карлос отметил, что она единственная, кто среагировал. В прыжке перехватил рыжюю, перевернул, чтобы упасть на спину, а когда позвоночник ощутил твердость каменных плит, резко перекинул девушку под себя, закрывая ее целиком. Больше ничего он сделать не мог.

Они лежали лицом к лицу. На Карлоса смотрели карие глаза. Смотрели без страха, с немым вопросом: «Кто вы такой и что на мне делаете?». Вдаваться в объяснения он не мог.

– Тихо! Не шевелись! – надеясь, что она понимает по-венгерски.

Карие глаза моргнули пушистыми ресницами, девушка издала сдавленный звук. Было не до вежливости. Карлос ждал, что каменные плиты будут крошиться в осколки. Но ничего не произошло. Карлос приподнял плечи, чтобы посмотреть, что происходит там, откуда прилетела пуля.

Началась паника. Люди, секунду назад cedившие кофе,

метались, как куры в горящем курятнике. Истошно визжала какая-то женщина. Грохотали бьющиеся чашки. Идеальная обстановка, чтобы положить сколько угодно человек.

Карлос ждал, что случится дальше. Это случилось. Голловка розы сама собой подскочила, оторванная невидимой силой от стебелька, упала, не свалив вазочку. У широкого бокала с чистой водой лопнула ножка. Невероятным образом подскочила чайная ложка, как будто кто-то метко ударил по краешку черенка. Представление заняло меньше двух секунд. Редкое и захватывающее. Карлос знал, для какого зрителя его показали. Он скатился с девушки, которая лежала не шелохнувшись.

– Вы целы?

– Что это значит? – проговорила девушка. Хоть она и старалась держаться, но голос ее дрожал.

– Кому-то не понравилось обслуживание.

Девушка приподнялась на локтях и осмотрелась, будто искала что-то. Или кого-то.

– Он жив?

Карлос глянул на тело официанта, лежащего ничком.

– Боюсь разочаровать, но с такой дырой в голове не живут.

– Значит, убит... В центре Будапешта... – Она села и стала копаться в сумочке, которую чудом не выпустила из рук. – Я на месте событий, я должна сделать репортаж...

Карлос протянул к ней руку.

– Рекомендую уйти отсюда подальше.

– Но я должна! Это моя работа! Несколько снимков... А вы дадите мне интервью? Нет, о чем я... Это все ужасно... Не зря... – она встряхнула рыжими кудрями.

– Вам удобно на каменных плитах?

Девушка подняла на него карие глаза.

– О чем вы?

– Я лично не горю желанием убивать время на то, чтобы давать показания полиции. А вы?

Девушка взяла его за руку. Карлос почувствовал, какие у нее холодные пальцы.

9 мая, понедельник

Будапешт, площадь Вёрёшмарти

12.02 (GMT+1)

Палец лежал на теплом спусковом крючке. Соблазн был велик. В оптический прицел он видел каждую мелочь. Как упал официант. Как Карлос проявил бесполезный героизм, повалив под себя какую-то девицу. А потом искал, откуда стреляют. Ему дали три подсказки. Такие, чтобы он потерял покой и сон. Чтобы не был так уверен в себе. Если бы он не был нужен, сейчас лежал бы вместо официанта. Ничто бы его не спасло.

На крышу долетали отдаленные крики. Бегающие люди закрывали происходящее. Он еще видел, как Карлос встал, как отступил вместе с девкой в мертвую зону.

Представление окончено. Позади раздался вой полицейской сирены. Электрик не спешил. Он не стал бросать винтовку, разобрал и сложил в чемодан. В магазине еще осталось шесть патронов, могут пригодиться. Стреляные гильзы собрал тщательно. Они были теплыми. Он подбросил их и поймал в ладонь. В голову пришла шутка, в которой он не мог себе отказать. Игра будет только интереснее...

Сев на край куба, электрик легко спрыгнул на плоскую крышу. А потом двинулся в обратный путь. Он закрыл за

собой чердак, иногда отмычки делают полезное дело, и спустился вниз. Консьержка смотрела в застекленную дверь, не понимая, что за суматоха там творится. Заметив электрика, оно что-то стала спрашивать. Его знания венгерского исчерпывались двумя фразами. Он беспомощно развел руками и улыбнулся. Консьержка открыла дверь и посоветовала, чтобы он был осторожен: столько развелось вокруг эмигрантов. Электрик пожелал ей хорошего дня. На этом его словарный запас исчерпался. Больше и не надо.

Немного отойдя, он снял куртку с логотипом и превратился в обычного прохожего с незаметным пластиковым чемоданом для переноски строительного инструмента.

Навстречу промчалось несколько полицейских машин с мигалками. Он дружелюбно оглянулся им вслед. Бедняги, придется расследовать загадочное убийство официанта. Парню, конечно, не повезло, но какая разница. У всех один конец.

Он достал смартфон, на ходу вставил батарею и сим-карту. И отправил сообщение. Настроение резко набирало обороты. Так бывало всегда после хорошо сделанного дела и одержанной победы. Так было и будет всегда. В такие минуты ему всегда хотелось горячего шоколада, обжигаяще сладкого. Он подумал: «А не зайти ли выпить чашечку в «Жербо»?» И усмехнулся собственной дерзости.

Все шло по плану.

9 мая, понедельник

Будапешт, улица Harminkad

Ресторан «Red Pepper»

13.01 (GMT+1)

По счету третья рюмки виски. Подряд. Девушка с огненными волосами пила залпом, не закусывая. Карлос видал и не такие странные проявления того, как у людей проходит шок. Себя в расчет он не брал.

Вообще она держалась молодцом. Но пока говорила мало. Он узнал, что ее зовут Катарина Тилль, она корреспондент «Штерн». Громкое имя журнала не произвело на него впечатления. Лучше или хуже Катарина не становилась. На его вкус.

– Что вы на меня так смотрите? – спросила Катарина, поставив на стол четвертую рюмку. И икнула. – Я что, плохо выгляжу?

– Нет, прекрасно, – ответил Карлос. Ответ был искренним.

– Ненавижу виски, ужасный напиток.

– Заметил силу вашей ненависти.

Катарина оперлась щекой о кулачок.

– А почему вы так хорошо говорите на нашем языке?

– Давно живу в Венгрии.

– Вам у нас нравится?

– Особенно девушки, – сказал Карлос.

Катарина не реагировала. Она уставилась в дальний угол бара, и без того темного.

– Все пропало, – сказала она.

– Какие-то проблемы?

– Проблемы! – Катарина фыркнула и поискала полную рюмку, ее не было. – У меня одни проблемы. Из-за вас не сделала репортаж с места события, а это минимум пятьсот евро. Раз... А два? А, да... Хорошо, что он не пришел...

– Ваш жених?

Его обдали презрением и капельками слюны, фыркала Катарина отвратительно.

– Жених! Скажете тоже... Нет у меня никакого жениха...

– Значит, ваш деловой партнер?

Катарина нагнулась к нему через стол и прошептала:

– Вы умеете хранить тайны?

– Лучше швейцарского банка.

Она отпрянула и сощурилась:

– А вы вообще-то кто такой?

– Я назвал свое имя... Могу показать паспорт.

На него отчаянно махнули ручкой.

– Я помню, что вы Карл. А чем занимаетесь?

– Консультант по антиквариату. Карлос, с вашего разрешения...

– Что, серьезно? – Катарина удивилась так, будто ей вру-

чили Пулитцеровскую премию.

– Работа скучная, тихая. Даю советы коллекционерам, разыскиваю для них всякие любопытные вещицы, оцениваю, езжу на аукционы, покупаю, если они не хотят делать это сами. Иногда что-то покупаю задешево и перепродаю с выгодой. Обычный бизнес.

– Это просто чудо! – сообщила Катарина. – Вы-то мне и нужны.

– Очень рад. У вас осталась коллекция старых монет от бабушки или какие-то безделушки? Обещаю продать их по самой выгодной цене.

– Бабушка у меня жива, дай Бог ей здоровья до ста лет... Дело в том... В том...

Катарина никак не решалась. Карлос не мешал ей собрать всю решимость.

– Дело в том... Что убить должны были того, с кем у меня назначена встреча.

– Неужели? Он похож на официанта?

– Понятия не имею, как он выглядел, позвонил и... Вот...

Карлос не стал разубеждать рыжую девушку. Он знал, что разубеждать девушек куда труднее, чем убеждать их.

– Что же могло заставить журналиста «Штерна» пойти на встречу с незнакомцем? Какие тайны и заговоры вам обещали раскрыть?

Ему хитро подмигнули, чего на трезвую голову Катарина никогда бы не сделала.

– В том-то и дело... Вы знаете такое сокращение: ASE?

– Нет, – честно признался Карлос.

– А если назову: Antiquities Service of Egypt?

– Это Служба древностей Египта. Вернее: Министерство древностей. Уважаемая организация. Основал в 1858 году знаменитый французский археолог Франсуа Огюст Мариет. Раньше занималась охраной древностей, которые находили в Египте и пытались вывезти. Долго была под патронажем французов, но теперь управляется египтянами. Их музей сильно пострадал во время «Арабской весны». Они довольно вредные и придирчивые, запрещают раскопки. Например, не дают заглянуть под сфинкса. Но в целом делают благородное дело. А что вас может там заинтересовать?

– Они не те, за кого себя выдают!

Катарина торжествовала.

– Я всегда это подозревал, – ответил Карлос. – Ваш информатор хочет разоблачить их?

– Именно так. За это его хотели убить... А я не верила ему...

– Как его зовут?

– Он назвался Ференц... Имя явно выдуманное.

В ее нетрезвых словах проскользнуло что-то, что заставило перестать шутить.

– Мой вам совет, – сказал Карлос. – Выберите безопасное место, назначьте встречу и поговорите с ним. Если хотите, могу быть рядом. На всякий случай...

– Спасибо, Карл, вы чудесный... – через стол девушка протянула руку и закрыла своими пальчиками его кулак. – Я только сейчас поняла, что вы спасли мне жизнь...

– С вас должок.

– Какой? – искренне удивилась Катарина.

– Ужин в ресторане, который выберете вы.

Катарина улыбнулась.

– Запишите мой номер телефона...

– Диктуйте, я запомню.

Она продиктовала и проверила. Карлос назвал цифры точно. Это было самым простым фокусом из тех, что он умел показывать. Пришло сообщение: клиент приносил извинения, что опоздал, просил перенести встречу на вечер. Карлос не стал раскрывать, насколько ему повезло с опозданием, подтвердил, что будет.

Журналистку «Штерна» он готов был поить виски, сколько влезет. Но «срочные дела» заставляют прервать удовольствие. Надо же было что-то сказать в свое оправдание. Карлос оплатил бармену всю выпивку девушки с запасом, попросил присматривать за ней и заставил себя уйти.

Катарина помахала ему на прощание.

9 мая, понедельник

Будапешт, аэропорт имени Ференца Листа

13.30 (GMT+1)

Рейс Lufthansa из Гааги приземлился без опоздания. Из зеленой зоны вышла женщина в строгом деловом костюме, отливающим металлом. Оттенок подходил натуральным пшеничным волосам, подстриженным в каре.

Женщина твердой рукой везла за собой баул, в котором могли бы поместиться два нелегальных гастарбайтера. Она шла уверенной и изящной походкой на высоких каблуках, каждый удар которых отдавался мраморным цоканьем. В другой руке она держала небольшой кожаный портфель.

Женщина прошла мимо остановки экономичных шатлов, везущих в город, шеренги такси, сдирающих грабительскую плату, оказалась на главной парковке и направилась к «Мерседесу» старой марки. Такие машины держат люди, знающие толк в настоящих авто. Пожилой господин в клетчатой рубашке и темном галстуке приветственно махал ей. Церемонно пожал даме руку, не позволил утруждаться багажом, довольно легко засунул неподъемный чемодан в багажник, открыл дверь заднего сиденья, подождал, пока она устроится на кожаном диванчике, положив портфель на колени, и только тогда сел за руль.

– Рад приветствовать в Будапеште, комиссар Габриель, – сказал он, глядя в зеркальце заднего вида.

– Благодарю вас, профессор Дьёрдь, – ответила комиссар. – Мне неловко, что я доставила вам такие хлопоты. Меня могли бы и встретить.

Мотор мягко завелся, большая машина вывернула с парковки на шоссе. До города ехать было чуть больше десяти минут.

– Никаких трудностей, комиссар! Традиционное венгерское гостеприимство! Когда добрый друг приезжает в Будапешт, хоть чем-то помочь ему – большая радость!

– Как мило, что у вас тут сохраняют старые привычки. Сугубо между нами: гендерное равенство и всеобщий страх обвинения в сексуальных домогательствах немного утомляет, – ответила она. – Но почему вы не сказали, что целуете мои ручки? У венгров это звучит так романтично.

Профессор оценил шутку. Даже самый горячий приверженец венгерского этикета не рискнет «целовать ручки» у руководителя отдела HOS⁵ департамента «О»⁶ Европола, комиссара французской полиции. Жанну Габриель боялась половина Европы, которая краля. А другая рассчитывала, что она сможет найти украденное. И еще Жанна Габриель не

⁵ Отдел Horizontal Operational Services – оперативное подразделение. Занимается финансовой и стратегической разведкой, аналитикой и специальными операциями.

⁶ Department O (Operation) – департамент следствия и проведения полицейских операций.

скрывала возраст: ей было тридцать четыре года.

– Что привело вас в столицу венгров? – спросил профессор. – Если это не секретная информация.

– Конечно секретная, господин Дьёрдь.

– О, эти полицейские секреты, как скучно! – поморщился он и хитро прищурился. – А вот я могу кое-что разболтать.

Примерно этого Габриель ждала. За последние годы она неплохо изучила своего знакомого.

Профессор Дьёрдь был общителен и очарователен, всегда подчеркивал, что хранит старые привычки этикета и рыцарского отношения к женщине. При этом умел вытягивать информацию, которая его интересовала, а порой сам делился более или менее полезными сведениями. Дружба с полицейским имеет такое свойство, что только вежливостью не ограничивается. Иногда ее надо подпитывать чем-то существенным. Интересы комиссара и профессора сходились в одной области. Если профессор занимался историей искусства и антиквариата как ученый, то комиссар в меру сил защищала предметы, которые изучал Дьёрдь. Они составляли симбиоз взаимно полезный. Иногда Габриель позволяла профессору сунуть нос в дела чуть глубже, чем разрешали правила. В ответ Дьёрдь сливал ей сплетни, которыми владел в избытке.

– Чрезвычайно интересно, – ответила Габриель. – Что случилось в мире венгерского антиквариата?

– Ничего конкретно, так, пустая болтовня.

– Пустая болтовня как дым: без огня не бывает.

– Совершенно согласен, комиссар.

– Жду с нетерпением...

Дьёрдь печально вздохнул, изображая, что ему с трудом дается признание.

– Ходят слухи, что к нам привезут или уже привезли некую вещь, настолько ценную и редкую...

– Что за вещь? – резко перебила Габриель.

– К сожалению, никакой конкретики. Шепчутся, что ценность и редкость вещи столь велика, что денег наших коллекционеров не хватит.

– Зачем ее привезли сюда?

– Странная загадка! – ответил Дьёрдь.

– Не скрывайте от полиции ничего, профессор, это может плохо кончиться.

– Не смею и подумать, господин комиссар! – он приподнял руки от руля, как будто сдавался на милость победителя. – Кажется, вещь привезена из Парижа.

– Вы уверены?

– Конечно нет! Это же слухи!

Габриель припомнила последние парижские пропажи: ничего, что могло претендовать на исключительную ценность и редкость. Второй раз «Мону Лизу» точно не похищали из Лувра.

– Вероятно, раздутая пустота, – сказала она.

– Не исключаю! Однако поведение некоторых лиц, которые раньше всех узнают новости, наводит на мысль, что за

слухами что-то скрывается.

– Вещь краденая? – спросила Габриель.

– Могу только предположить.

– Из нашего списка или Интерпола?

Комиссар имела в виду список похищенных произведений искусства, которые вывешивала на своих сайтах полиция. И, вероятно, усиленно разыскивала. Дьёрдь прекрасно понял, о чем речь.

– Думаю, что нет, – ответил он. – Это только мое предположение.

– На чем оно основано?

– Краденые вещи из вашего списка обычно уходят в закрытые частные коллекции, как вы, наверно, знаете.

Габриель знала это более чем отлично. Потому искать украденное так трудно.

– В данном случае вещь как будто собираются выставить на аукцион...

– Аукцион? – переспросила комиссар. Это было нечто новое в преступном мире.

– Не в прямом смысле. Продавец как будто ищет того, кто даст больше...

– Покупатель не найден?

– Насколько могу судить, нет.

– Тогда, профессор, держите меня в курсе.

– Непременно. Наш город маленький. О чем шепчут в Буде, тут же слышат в Пеште.

– Ожидается большая охота?

– Многим захочется обладать вещью.

– Я проинформирую будапештских коллег.

Дьёрдь кивнул в зеркальце, как будто благодарил за проявленную любезность.

– Вы к нам надолго? – спросил он.

– Не могу сказать точно, как пойдут дела, – ответила Габриель.

– Ох уж эти полицейские тайны, госпожа комиссар!

Габриель поняла, что профессор ждет от нее ответной любезности. И не смогла отказать молчаливой просьбе.

– Пришло время закрыть один наболевший вопрос, – сказала она.

– Даже боюсь предположить, – Дьёрдь изобразил глубокое непонимание.

– Лунный Ветер...

Профессор не сумел скрыть изумления.

– Это не шутка, комиссар? Вы серьезно?

– Более чем.

– Но ведь... – Дьёрдь запнулся, словно не хотел обидеть случайным словом. – Лунный Ветер – это миф. Городская легенда. Неуловимый вор, о котором никто ничего не знает. При этом все знают, что он ворует по всей Европе. Герой комикса, не иначе.

– Не совсем так, профессор. Есть конкретная цепочка нераскрытых дел.

– Прошу простить, комиссар, но на мой дилетантский ум Лунный Ветер – удобное прикрытие для полиции, чтобы свалить на призрак нераскрытые дела.

– Не исключаю, – сухо ответила Габриель. Ей не нравилось, когда критикуют работу полиции. Даже старинные друзья.

Профессор понял, что болтнул лишнего.

– Но я первый поздравлю вас с успехом! – торжественно сказал он.

– Успех будет. Наши аналитики вычислили человека, который подходит на эту роль.

– Лунный Ветер – венгр?! Блестяще! Я горжусь!

– Я этого не говорила.

– Но ведь он в Будапеште?

– Без комментариев.

Дьёрдь показал, что закрывает рот на замок. И тут же спохватился.

– Ставлю ужин в «Алабардош», что Лунный Ветер включится в охоту!

– Прекрасная мысль, господин профессор.

– Хотел спросить по секрету: парижская полиция уже знает, кто совершил эти ужасные убийства?

Габриель насторожилась.

– Какие убийства, профессор?

– Ну как же! Я читал, что зверски убиты родители и жена французского археолога.

– Это не наше направление.

– Понимаю, но так любопытно. Все-таки коллега в некотором роде...

– Хорошо, но только для ваших ушей, – сказала Габриель.

Профессор все видом показал, что он будет нем, как балатонский карп на сковородке.

– Есть информация, которую не стали сливать в прессу. Главный подозреваемый – сам археолог...

– Какой ужас! В какое страшное время мы живем, – профессор выглядел чрезвычайно расстроенным.

«Мерседес» подъехал к зданию Главного управления полиции Венгрии, похожему на гигантскую бочку из стекла. Дьёрдь обернулся к пассажирке.

– По праву гостеприимства требую с вас слово, что вы не откажетесь от чудес венгерской кулинарии!

– Слово полицейского, – ответила Габриель.

Пока она шла к своему временному кабинету, комиссар обдумывала, надо ли что-то менять в готовой операции из-за новых слухов. И пришла к выводу, что это удачное стечение обстоятельств.

Шансы возрастают.

9 мая, понедельник

Будапешт, район Мариамакк

15.01 (GMT+1)

Меньше всего Карлос надеялся на быстрый успех. Застать Шандора за гуляшом у любящей тетушки было почти невероятно. Не потому, что старушке перевалило за восемьдесят и она не в силах орудовать поварешкой. Почтенная дама Эржибет Лакоци жила в собственном доме, в районе, застроенном добротными особняками. Десять лет назад осталась вдовой, после чего вела жизнь тихую и беззаботную. Детей у нее не было. Зато был трехлетний «Форд», для которого нанимался водитель. Пожилая дама регулярно приглашала кухарку, уборщицу, садовника, ветеринара и массажистку. Услуги заказывались у компании, которая обеспечивала разнообразный домашний сервис. На государственную пенсию жить на широкую ногу старушка не смогла бы. Если бы не ее муж.

Господин Лакоци при социализме был успешным функционером (тогда и появился особняк). Когда социализм тихо закончился, он сумел найти теплое место в банке. Вероятно, старые товарищи и соратники помогли. Глубоко в биографию дядюшки Шандора Карлос проникнуть не успел. В 1956 году тот был партийным функционером, например, в

Союзе коммунистической молодежи Венгрии. То есть в стане врагов отца Шандора, с которыми тот воевал с оружием в руках. Венгерская революция прошла по многим семьям, навсегда разорвав родственные связи. Шандор не мог испытывать теплые чувства к престарелой родственнице.

Выйдя из автобуса, Карлос заметил дом госпожи Лакоци. Он мало отличался от аккуратных строений этого района, построенных лет сорок назад. Зато новые особняки поражали размером и богатством. На тихой улочке было пустынно. Он подошел к калитке, за которой виднелся аккуратный садик. Калитка была приоткрыта. Карлос нажал на кнопку вызова. В глубине дома отозвался рокот звонка. На крыльце никто не появился. Он крикнул, прося разрешения войти. Ответа не последовало.

На собственном опыте Карлос выучил, что самые большие ошибки случаются, когда не замечаешь мелочей. Он осмотрелся. Окна на втором этаже распахнуты. Ворота гаража опущены не до конца, виднеется бампер. Из дома раздается визгливое тьяканье собачонки. Мелочи указывали на то, что заходить нельзя. Надо отступить. Но нетерпение оказалось сильнее. Карлос оглянулся и вошел в калитку.

К дому вела дорожка, замощенная грубой плиткой. Пока шел, его могли заметить из окон соседних особняков. Что было не нужно. Но выбирать не приходилось.

Карлос поднялся по пологим ступенькам. Входная дверь с зарешеченным оконцем неплотно прижималась к косяку.

Оставался маленький проем. С улицы почти незаметный. Стучаться или войти в дом было настоящим безумием. Риск ничем не оправданный. Карлос знал это. И приоткрыл дверь.

Собачка захлебывалась лаем из глубин дома. Карлос порог не переступил. Все и так видно. Перед ним была просторная гостиная. Мебель и обстановка опрятные, по моде конца прошлого века. Кожаные диваны и кресла, большой персидский ковер. В доме ощущался сильный запах химических освежителей, ароматизаторов и духов. Только хозяйка его не ощущала. Старушка лежала на ковре в бордовой луже, которую не успевал впитывать ворс. Голова ее неестественно откинулась к спине. Карлос не видел ее глаз и не хотел видеть. Наверно, они были открыты. Она умирала в мучениях. Горло пересекала резаная рана, из которой тянулись чернеющие потеки. Кровь перестала течь. Он знал, как делать такой надрез. Дело несложное, если практиковаться на баранах. Главное крепко прижать тело, уперев коленку между плечами, и далеко задрать голову за волосы. Сильные сопротивляются, с тётушкой же было просто. Хватило нескольких конвульсий. Она погибла минут десять назад. Убийца мог еще прятаться в доме.

Из дальнего конца улицы донеслась сирена. Кто-то вызвал полицию. Этого района Карлос не знал, у него не было готового пути отступления. На решение оставались считанные секунды. Судя по звукам, дом окружали со всех сторон.

Он спрыгнул на полосу гравия и рванулся на задний

двор. Как раз тогда, когда у калитки затормозила первая машина. По ухоженному газону пробежал мимо строительного сарая, летних шезлонгов, жаровни для барбекю и качелей-диванчика под полотняным козырьком. Двор ограждался невысоким забором, густо поросшим плющом. Карлос подтянулся, перемахнул и приземлился, плотно сгруппировавшись. Безымянный проулок не успели перекрыть. Надо выбирать, в какую сторону проскочить. И он выбрал.

На бегу Карлос пригнулся. Не от пуль, а чтобы его заметило меньше свидетелей. Сирены выли яростно, сбивали с толку. Трудно понять, где, куда он выскочит: окажется на свободе или наткнется на оцепление. Второе было вероятнее. Участок слишком маленький, достаточно трех-четырех машин. Вступать в прямое столкновение с полицией или объяснять, что просто зашел к убитой в гости, он не собирался. Карлос добежал до нового проулка и присел. Судя по вою, обложили основательно. Бежать, как заяц на флажки, больше нельзя. Нужен нестандартный ход.

Карлос перескочил забор ближнего особняка. Он не знал, есть ли в нем жители, чем они заняты, держат ли собаку. Он рассчитывал на собственную скорость. Хотя давно не бегал по пересеченной местности.

Сад и дворик не сильно отличались от владений тетушки Шандора. На бегущего незнакомца обратил внимание черный кот, который грелся на солнышке, и лениво пошевелил ушами. За что Карлос был ему благодарен. Он одолел еще

одно зеленое ограждение и оказался на широкой улице, ведущей вниз. Улицу поперек перекрывала полицейская машина. Карлос не бросился наутек. В машине было пусто. Передние дверцы распахнуты. Патрульные слишком спешили поймать убийцу. Остался только один выход.

– Таранга!

Карлос добежал до машины, на ходу хлопнул пассажирской дверцей, прыгнул в водительское кресло. Ключ был в замке зажигания. Кто посмеет подойти к полицейской машине! Карлос не стал об этом размышлять. Врубил двигатель, отжал передачу и заложил вираж под визг покрышек.

С заднего сиденья что-то упало. Было некогда смотреть назад. Полицейская рация надрывалась криками: дом окружили, убийца внутри, наряд просил подкрепление. Это полезная информация. Карлос крутанул руль в левый проулок, держа направление в сторону города. За спиной услышал крепкое ругательство. Он только успел глянуть в зеркальце заднего вида.

На него уставилось лицо, изукрашенное татуировками. Как принято у воинственных маори. Над татуировками торчал острый нос. Брови выбриты начисто. Как и череп: сизый от корней волос. В чудовище трудно было угадать девушку. Карлос не сразу это понял. Он бросал руль из стороны в сторону, вписываясь в узкие проезды между домами.

– Ты кто такой? Ай!..

Тело, над которым возвышалась страшная голова, на оче-

редном повороте швырнуло к дверце. Ее руки были заведены за спину. Задержанная нарядом полиции. Сейчас – союзник...

– Как отсюда выбраться? – крикнул Карлос.

– Налево давай... Ай!.. Еще раз налево... Ой! Осторожней!.. Еще налево... Ай!..

По командам штурмана ехать стало проще.

– Теперь прямо... Жми до поворота... Въезжай в парк...

Все, приехали...

Полицейская машина остановилась у тропинки парка, название которого Карлос не знал. Только сейчас он заметил, что ехал со всей иллюминацией. Он заглушил мотор, мигалки погасли. И обернулся к спасительнице.

– Ты кто такая?

Вблизи разрисованное лицо казалось ненастоящим, маской. Тату нанесено коричнево-красной краской.

– Выпустишь?

Она повернулась, подставив кисти, стянутые пластиковым жгутом. Карлос не мог не оказать услугу.

Девушка с орнаментами на лице потеряла красные следы на запястьях.

– Я перед тобой в долгу, – сказала она. – Зови Ребеккой. Только Беки не говори, ненавижу. Могу пригодиться для любого дела. Чем промышляешь, брат?

Полицейская машина не лучшее место, чтобы говорить об антиквариате. Карлос заметил планшетку с протоколом за-

держания. Вырвал лист и сунул Ребекке:

– Дарю.

Протокол был скомкан и засунут в карман кожаной куртки.

– Сувенир, – сказала Ребекка. – Тебя как звать, брат?

Карлос назвал свое имя.

– За мной долг, рассчитывай на меня, испанец.

Как ни странно, такой контакт мог пригодиться. Карлос не стал спрашивать, за что Ребекка заработала пластиковый браслет. В некоторых кругах это не принято.

– Стукни на почту... – Ребекка продиктовала джимейловский адрес. – Я и появлюсь. Запомнил?

Карлос запомнил.

– А теперь пора убираться... – Ребекка перегнулась вперед, вырвала короб жесткого диска и сунула Карлосу. – Подарок от меня. Не надо оставлять наши рожи где попало.

В спешке он забыл, что полицейские машины оборудованы скрытыми камерами. Если бы не Ребекка, его физиономию вечером крутили бы во всех новостях. Прощай антикварные консультации.

Ребекка выбралась из машины, отдала салют, как заправский вояка, и исчезла среди деревьев. На всякий случай Карлос протер баранку и рукоятку переключателя скоростей. Хотя на них густой слой чужих отпечатков.

Он прошел сквозь парк и вышел около улицы Яношеги. Мимо него в сторону особняков пронеслись полицейские

патрули, поливая разноцветными бликами.

Карлос подумал, что ему тоже надо спешить.

9 мая, понедельник

Будапешт, район улицы Мартон

16.12 (GMT+1)

Основательность господина Ройтмана была хорошо известна. Авторитет он зарабатывал долго и упорно. Настолько упорно, что заработал кличку Яша-Полпроцента, или просто – Полпроцента. Его бизнес был не так прост, как казалось. Официально господин Ройтман владел небольшим антикварным ломбардом. У него можно было заложить обручальное кольцо, фамильные драгоценности и даже корону, если бы захудалому монарху потребовались деньги, чтобы осчастливить свой народ. Как принято у ростовщиков, Полпроцента оценивал вещи в десятую часть стоимости, обратно возвращал втридорога. Но клиенты не заканчивались. Потому что он не спрашивал, откуда взялась вещица.

Краденое было крохотной частью того, что хранилось в витринах. Драгоценности из любых металлов, с любыми камнями – от стекляшек до брильянтов, кольца, брошки, цепочки, подвески густым слоем покрывали прилавки. Редкий турист, завернув в лавку, оставался равнодушным к такому изобилию. Туристов Полпроцента любил. Они всегда покупали самый залежалый, самый дешевый товар и навсегда исчезали с настоящим венгерским сувениром.

Туристы и заклады были крохотной частью деловых интересов Полпроцента. Настоящие деньги он зарабатывал так, чтобы не платить грабительские налоги.

Если кому-то надо было передержать ценную вещь, а сдать в банк или хранить у себя было опасно, эту вещь несли в ломбард Полпроцента. За полпроцента от стоимости, которую угадывал по размеру упаковки, он принимал и хранил вещь, сколько надо. Не было случая, чтобы вещь не возвращалась. Через него совершались сделки вслепую. Один человек оставляя нечто завернутое и уходил. Появлялся другой человек, который оставляя прямоугольную упаковку в целлофане и тоже уходил. После чего возвращался первый и забирал оставленное. Стороны были довольны. Полпроцента получал с каждого и никогда не спрашивал, что приносили на хранение. Работал он с теми, кого знал лично. Или с теми, кого рекомендовали.

Полпроцента проводил очередного клиента из кладовки. Толстяк в рокерской жилетке и штанах вонял нестираной футболкой.

– Сколько с меня?

– Ну, так чтобы не обидеть вас, Гёза, так давайте тысячу.

– Форинтов? Устраивает... – толстяк полез в карман.

– Что вы, Гёза, кто говорит о форинтах? Конечно же, евро.

– Яша, ты сдурел?

Гёза хоть и выражал недовольство, но агрессии не проявлял. На такой случай у Полпроцента было трое охранников,

один вид которых отбивал охоту создавать проблемы. Но и без торга клиент – не клиент.

– А как иначе, Гёза?

– Хорошо, давай двести, и по рукам.

– Какие двести! – Полпроцента трагически вскинул руки. – Такого размера! Такая вещь! Девятьсот, не меньше.

– Слушай, я тебе так скажу: это грабеж. Даю триста.

– Триста – это я называю грабеж! Восемьсот и ни слова больше, Гёза!

– Я этого не слышал. Четыреста – или я ухожу в другое место.

– Идите, куда хотите, Гёза! Семьсот – или уйду я!

На жесткую торговлю охранник взирала с полным спокойствием. Такие скандалы всегда заканчивались к взаимному удовольствию сторон.

Гёза почесал затылок.

– Ладно, только из уважения. Пятьсот – и точка. Больше не могу, честно, – он протянул руку.

Полпроцента всегда тонко чувствовал, когда клиент называл цену, которую действительно готов заплатить. Дальше торговаться не имело смысла. Печально кивнув, он пожал мясистую ладонь дурно пахнущего человека. Контракт был заключен. Пять синих купюр перебрались из рокерской жилетки в его карман.

– Мой человек заглянет на днях. Запомни его хорошенько, – Гёза показал экран смартфона со снимком анфас.

Полпроцента изучил внимательно. Лицо простое, европейское. Он запомнил так надежно, что мог бы поздороваться на улице. Если бы встретил.

– Больше ничего? – некоторые клиенты любили оставить пароли. На удивление одинаковые.

– Ничего, – ответил Гёза. – Только человека не перепутай. Это можно было расценить как грубость. Чтобы Полпроцента перепутал человека и отдал сохраняемое не тому? Да за кого его принимают!

На прощание Гёза крепко хлопнул его по плечу.

– Яша, надеюсь на твою память. Смотри в оба, кому отдаешь...

9 мая, понедельник

VI округ Будапешта, улица Изабелла

18.24 (GMT+1)

Ошибку труднее всего не повторить. Карлос так же верно знал, что сейчас надо отправиться к другой тетушке Шандора, как и то, что делать этого нельзя. Дама, старшая в семье, жила в большом старинном доме в центре Будапешта. Этот район он знал как свои пять пальцев: выбраться из каменного мешка будет невозможно. За каждым углом могут дежурить полицейские патрули, кругом камеры наружного наблюдения. Повторить героическое отступление не получится. Чтобы потянуть время, Карлос сел на желтый трамвай.

Сведений о госпоже Котани удалось найти чрезвычайно мало. Она давно овдовела, жила на пенсию, которую оставил муж, инженер-строитель, двое детей выросли и разъехались. Скорее всего, госпожа Котани прожила тихую жизнь домохозяйки. Вряд ли у нее были политические взгляды. Про партийную принадлежность ее мужа ничего не было известно.

Трамвай добрался до остановки, на которой надо выходить или ехать дальше. Вышли одни пассажиры, зашли другие, Карлос стоял у открытых дверей. Вежливый голос в динамике предупредил, что двери закрываются. Он заставил себя спрыгнуть на тротуар. За спиной хлопнули дверцы. Ва-

гон позвонил и тронулся. Оставалось пройти квартал. Карлос привычно выбрал большую дугу. Он дважды прошел мимо дома. Сначала по противоположной стороне, чтобы издали оценить обстановку, на обратном пути – рядом с парадной.

– Таранга!

Квартиру на домофоне он выбрал наугад. Женский голос спросил: «Кто там?». Карлос назвал газовой службой, проверка домового счетчика. Дверной замок ответил гостеприимным звуком. Карлос вошел и быстро закрыл за собой дверь. Лестница с широкими проемами огибала лифт. Он поднимался, прижимаясь к стене, глядя вверх. Площадки этажей обходил по периметру, как можно ближе к дверям. Перед последним, шестым этажом, задержался. Карлос осторожно дошел до ступеньки, с которой его трудно было заметить, а он мог видеть низ двери.

Все повторялось: входная дверь приоткрыта. Он прислушался: из квартиры доносились негромкие звуки, как будто кто-то ходил по пустой квартире. Из оружия у него имелся жесткий диск полицейской машины. Карлос перехватил его поудобнее, чтобы использовать как метательный снаряд, приготовился и совершил рывок на лестничную клетку. Дверь сильно толкнул и метнулся в сторону, чтобы успеть оценить обстановку. Карлос ждал, что столкнется с мебелью или вешалкой, что сильно уменьшало его шансы. Вместо этого проскочил в пустоту. Он успел ткнуться плечами в стену

и занес руку в пружинном замахе.

На него взирал мужчина в строгом костюме. Деловой портфель болтался за спиной. И руки его не были стянуты пластиковым жгутом.

– Вы кто такой? – с глубоким изумлением проговорил он.

Карлос понял, отчего из квартиры доносились странные звуки. Она действительно была пуста. Никакой мебели и занавесок. Сияла свежим, модным ремонтом. Новым хозяевам оставалось только въехать.

Так что Карлос спрятал метательный диск и улыбнулся самой мирной и очаровательной улыбкой.

– Приношу свои глубокие извинения! Увидел, что дверь не заперта, подумал, что воры забрались.

Мужчина, наверняка риелтор, все еще посматривал с сомнением.

– Вы господин Штайнц? – спросил он. – Кажется, мы договорились на час позже? Разве не так?

Карлос еще раз пустил в ход улыбку.

– Нет-нет, что вы, я не Штайнц... – и он назвал себя.

Сомнения не рассеивались.

– Карлос? – проговорил риелтор задумчиво. – Не помню, чтобы мы договаривались смотреть эту квартиру. Она практически продана... Если только вы слишком сильно не захотите ее купить.

– Еще раз приношу свои неисчерпаемые извинения! – воскликнул Карлос с излишней пышностью иностранца. –

Квартира чудесная, поздравляю вас. Но, увы, я совсем не хочу ее купить. Я ищу госпожу Котани. Не знаете, где могу ее найти?

Риелтор, не скрывая подозрительности, поинтересовался:
– Зачем вам нужна госпожа Котани? Кто вы такой?

Он держал наготове телефон, чтобы вызвать полицию.

Карлосу пришлось рассказать историю, как его отец с родным братом госпожи Котани сражались за свободу и демократию. Здесь он должен был встретиться с племянником госпожи Котани, месье Шандором.

Открытость и добродушие, с которым история была рассказана, убедили. Риелтор смягчился, протянул руку и представился господином Верчаком.

– Госпожа Котани давно живет в доме престарелых под Эстергомом. Там чистый воздух и покой. Все, что нужно для счастливой старости.

– Квартиру продают дети?

Верчак кивнул.

– Бумаги в порядке, оформлена дарственная на сына.

Карлос хотел спросить, не было ли вестей от месье Шандора, но раздался звонок домофона. Риелтор посмотрел на часы и немного удивился:

– Кто бы это мог быть?

Карлос предложил узнать.

Верчак по-хозяйски нажал кнопку ответа.

– Слушаю вас! – радушно сказал он.

Возникла небольшая пауза.

– Я ищу госпожу Котани... – мужчина говорил с сильным акцентом.

Карлос метнулся к уху риелтора и прошептал:

– Это он, впустите, хочу сделать сюрприз!

– Да, конечно, заходите! – радостно сказал Верчак, нажимая кнопку. – Добро пожаловать, господин Шандор!

Если бы мог, Карлос спрыгнул с шестого этажа. Все, на что хватило человеческих сил, – прыгать через пролет. Он прыгал и прыгал, не жалея себя. Ударил коленку, повредил ладонь, когда тормозил о перила, и одолел лестничные пролеты чуть медленнее, чем успело бы его тело при прямом падении. Карлос бросился к входной двери и рванул створку.

Никого не было. Он посмотрел в обе стороны улицы. Глупо рассчитывать, что Шандор гуляет с рюкзаком. Но почему бы и нет. В отдалении Карлос заметил нечто похожее на высокий рюкзак. Догнать туриста труда не составило.

Он зашел вперед, преграждая дорогу. Ему приветливо улыбнулась блондинка в жилетке, надетой на голое тело. Девушка несла на себе непомерную тяжесть. Она была милой и приветливой, скорее всего юная шведка. Карлосу не оставалось ничего, кроме как извиниться. Удача не всегда помогает тем, кто спешит.

9 мая, понедельник

Санкт-Петербург, оперативный центр ВМР

18.45 (GMT+3)

Адмирал тянул с переездом, сколько мог. Он знал, что перевести вслед за штабом флота весь аппарат разведки будет чрезвычайно трудно. Находил любые отговорки и причины, чтобы не трогаться из Москвы. Надеялся, что приказ отменят. Приказ не отменили. Из окна своего кабинета адмирал Алдонин теперь мог наблюдать Неву. Что не сильно радовало. Переезд был завершен. После суматохи, которая всегда царит на новом месте, служба вошла в обычный распорядок. Офицеры приступили к выполнению обязанностей, ни одна программа не была остановлена или задержана. Оставалось только убрать последние папки с делами. Секретный архив переехал вместе с командованием.

Алдонин приказал доставить одну старую папку. Загадка, скрытая в ней, мучила его много лет. Больше случая вернуться не будет. Он вызвал своего заместителя, начальника Особого отдела капитана 1 ранга Горчакова. Офицер открыл дверь и попросил разрешения войти, как принято во флоте. Адмирал пригласил Горчакова за стол совещаний, положил перед ним чуть пожелтевшую папку.

– Коля, ты помнишь это дело?

Они были одногодками. В разведке прослужили с погон лейтенантов.

– Такое не забывается, Андрей Иванович, – даже при личной встрече Горчаков не позволял называть своего командира по имени.

– Опиши в двух словах, что там случилось, – попросил Алдонин. – Ты же сам ездил на место, что там произошло?

Даже через двадцать пять лет Горчаков помнил каждую деталь. Это был самый тяжелый провал их службы. Были потеряны сразу два молодых сотрудника, отправленные на глубокое внедрение. Третий, сообщивший о случившемся, прошел строжайшую проверку и был оставлен на службе.

– Все детали не прояснены. Это отражено в рапортах. Маркус был убит, Мечик исчез вместе с крупной суммой наличными. Мы тогда оказались в тяжелом положении: денег не было вообще.

– А Освальд?

– Он считает, что это сделал Мечик.

– Каким образом?

Горчаков много лет и много раз отвечал на эти вопросы. Ответы не прибавляли ничего нового. Факты от этого не менялись.

– Маркус сообщил Освальду, что Мечик общается с американскими вербовщиками. И предложил провести подставную операцию, чтобы нейтрализовать предателя. Была назначена встреча в отдаленном месте, пятьдесят километров

от Франкфурта, в пригородном парке городка Никкенхайм. Они надеялись, что возьмут Мечика с поличным, запишут его, когда тот будет соглашаться на вербовку. Молодежная глупость не удалась. Все пошло не так, как они планировали. Мечик вынул деньги из ячейки, застрелил Маркуса и скрылся.

– Каким образом?

– Его научили плавать в любой воде.

– Не нашли?

– Нет.

– А что с Маркусом?

– Тело забрала полиция. Мы не могли подобраться слишком близко. Освальд дал показания, что сам видел его убитым. Он успел сделать снимки машины, на которой приехал Мечик, и пустого «дипломата».

– Кто мог вызвать полицию в глухое место?

– Насколько удалось выяснить, поступило сообщение: убийство в лесу. Они бросили все силы. Тогда это было в диковинку.

– Как думаешь, что за вспышка была на мосту?

В рапорте вспышка была описана весьма подробно.

– Невозможно определить, – ответил Горчаков. – Когда через несколько дней мы прибыли на место, дожди смыли следы. Было сделано предположение, что Мечик использовал свето-шумовую гранату.

Адмирал согласно кивнул. Он помнил рапорт.

– Не понимаю: зачем?

Горчаков тоже не знал ответа на этот вопрос.

– Единственное логичное объяснение: позарился на деньги.

– И самое нелогичное, – сказал Алдонин. – Ты знаешь, из какой он семьи? Ты знаешь, что его отец – потомственный офицер флота? Я у них в доме бывал, видел его пацаном. Или хочешь сказать, что наши кадровики проглядели предателя?

– Мог сломаться. Соблазны западного образа жизни...

– Коля! – Алдонин не скрывал разочарования.

– Для девяносто первого года это было актуально, – ответил Горчаков, хотя и не верил в то, что говорит. – Возможная причина в том, что Мечик все-таки был слишком молодым. Ему было двадцать. Направили его сразу после центра подготовки. После него таких молодых сотрудников не посылали. Риск не оправдал выгоды раннего внедрения. В таком возрасте у мальчиков еще не до конца сформировано мировоззрение.

– Мечик не мальчик, – Алдонин повысил голос и осекся. – Он был лучшим курсантом не только своего выпуска. Выдающиеся результаты и способности.

– Что вы от меня ждете, Андрей Иванович?

Адмиралу нечего было ответить. Чего ждать, когда прошло двадцать пять лет. Совсем другое время, другая страна, другой мир.

– Прости, Коля, мне до сих пор не дает покоя это дело.

Горчаков мог бы согласиться. Но не позволил проявить личные эмоции.

– Удивительно, что после такого провала не было последствий, – сказал он. – Никаких. Если не считать деньги...

– А какие могли быть последствия? Сдать сеть Мечик не мог. Кроме Освальда и Маркуса, никого не знал. Он убил Маркуса, остается только Освальд. Какова цена за молодого студента, которого только внедрили?

Начальник контрразведки не мог спорить: цена за такого агента ничтожна.

– Мечик исчез с деньгами. Это все, что известно наверняка. Или утонул. В тот день погода была штормовая. В Рейне сильные и коварные течения, высокие волны. Мог не рассчитать сил.

– Такой исход предпочтителен, – сказал адмирал.

Горчаков молча кивнул.

Алдонин протянул ему папку.

– Все, товарищ капитан первого ранга. С этим закончили. Больше не возвращаемся. Благодарю.

Горчаков принял папку. Сегодня она вернется в архив и исчезнет навсегда. На ней появится штамп: «Секретность 1-й степени. Хранить вечно». Начальник контрразведки считал, что это к лучшему: нельзя столько лет беречь рану.

Пора забывать.

9 мая, понедельник

Будапешт, проспект Андраши

Магазин Bestsellers

19.50 (GMT+1)

Он не помнил, когда последний раз растворялся в книге. Как в детстве, когда, забираясь в кресло, забывал обо всем, следя за героями Жюль Верна, Александра Дюма и Фенимора Купера. В нынешних его книгах не было места приключениям. Справочники, обзоры, аналитические материалы и прочая полезная, но такая скучная информация. На художественный вымысел и фантазии не осталось ни времени, ни душевных сил. Он давно привык, что в квартире нет ни одной книги. Зачем собирать пыль, все есть в сети Интернет.

В ожидании встречи прогуливаясь вдоль бесконечных магазинных полок с книгами, Карлос испытывал странную печаль. Последние годы скучать было некогда. А уж сегодня, даже на фоне того, что с ним бывало, денек выдался исключительным: уцелеть под огнем снайпера, наткнуться на труп старушки, уходить от полицейской погони на угнанной машине и чуть было не сцапать объект поисков... Всего этого вполне достаточно, чтобы быть в форме. Сейчас нахлынули воспоминания о приключениях, которые он пережил в детстве, когда плавал вместе с «Наутилусом», участвовал в ду-

элях при дворе короля Людовика XIV и воевал в американских лесах плечом к плечу с последним из могижан. Они казались чистыми и наивными, как детское шампанское. Мир слишком далеко отодвинул пределы зла, открывая все новые зверства, которые человек может сделать над другим человеком. Слишком многое Карлос натворил такого, о чем не напишешь в воспоминаниях. Глядя на блестящие корешки знакомых книг, он подумал, что отдал бы все, чего бы ни потребовали, чтобы хоть на день вернуться в родительское кресло, к тем книгам, в ту жизнь, которая исчезла навсегда. Он касался пальцами корешков, гладких и упругих, и уходил от них. Хорошо, что ничего нельзя вернуть.

Карлос вышел из галереи художественной литературы и перешел к отделу живописи. С картинами были связаны другие воспоминания, не такие глубокие. На альбомы живописи Карлос мог смотреть без лишних эмоций. Он достал планшет и проверил новости.

Заголовки сайтов кричали о сенсационном преступлении в центре Будапешта. В знаменитом кафе выстрелом в голову убит официант. По предварительным данным это дело рук владельцев нелегальных тотализаторов. Молодой человек слишком много проиграл, залез в долги и не смог вовремя расплатиться. Делалось предположение, что убийство – показательная расправа, которая должна запугать должников. Конечно, не обошлось без русской мафии. На это намекали довольно прозрачно. Пресс-секретарь полиции сделал

заявление, что следствие располагает сведениями о киллере, на его поимку брошены все силы.

Смерть тетушки Шандора заинтересовала куда меньше. Видимо, полиция полностью перекрыла доступ в дом, ни один журналистский нос не пронюхал, что там произошло. Только один не самый посещаемый сайт обратил внимание, что госпожа Эржибет Лакоци была вдовой видного члена правительства Яноша Кадора. В статье задавался вопрос: нет ли в этом преступлении политической подоплеки? Не связано ли оно с русской мафией и пропавшим золотом КПСС?

Об угнанной патрульной машине сообщений не было. Ни одна полиция в мире не станет признаваться в собственных ошибках. Портрета Карлоса или его описания не появилось. О чем он мысленно поблагодарил девушку с татуировкой маори.

Приближение того, с кем произойдет встреча, Карлос заметил издали. Убрал планшет, нарочно повернулся, взял первый попавшийся альбом и стал листать тяжелые глянцевые страницы. Он старательно погрузился в живопись, как полагается консультанту по антиквариату. Гравюры Густава Доре были слишком натуралистичными. В них царили мощь и ужас.

– Простите, – тихо сказали у него за спиной.

Карлос чуть задержался, словно не мог сразу оторваться от очарования гравюр, оглянулся и старательно изобразил удивление.

– Какая неожиданность!

– Папа лично просил передать вам свои извинения, у него возникли неотложные дела. Простите его...

К деловой встрече девушка подготовилась старательно. Прическа, яркий макияж. Довольно открытая кофточка, короткая юбка и туфли на высоких каблуках. Вся одежда самых модных и дорогих брендов. Карлос не настолько разбирался в моде, чтобы помнить наизусть все значки. Один, крупный, золотой и вульгарный знал: пальцы девушки яростно дергали ручку сумочки от Gucci.

Он заметил, как под тональным кремом пробивается румянец. Дочь профессора Дьёрдя, Аранка, не могла совладать с волнением. Хорошая, воспитанная девочка. Насколько Карлос помнил, профессор один воспитывал ее с десяти лет, когда потерял жену. Аранка получила блестящее и бесполезное для современного мира образование. Она знала куда больше о героях живописи, чем о живых мужчинах. И не умела справляться с чувствами. Из-за родительского эгоизма профессор умудрился вырастить дочь, которой было бы уютно в мире лет сто пятьдесят назад. Карлосу было искренне жалко милую и беззащитную барышню. Не нужен аналитический ум, чтобы понять, что происходит в головке двадцатитрехлетнего ребенка. И что творится в девичьем сердечке.

– Аранка, – сказал он довольно строго. – Вам совершенно незачем извиняться. Занятость профессора известна. Пере-

несем встречу на завтра.

Она опустила глаза и покраснела гуще.

– Спасибо, господни Карлос... Что вы смотрите?

Он показал альбом.

– Доре... – проговорила Аранка с таким вздохом, как будто ожидала куда худшего. – Слишком прямолинеен. И довольно груб. Вам не кажется?

Она застенчиво взглянула на Карлоса.

– Современные художники не могут повторить эту грубость, – ответил Карлос. – Кажется, вы чем-то взволнованы.

Аранка прикусила губку в яркой помаде.

– Последние дни с папой что-то происходит...

Карлос проявил озабоченность:

– У профессора проблемы со здоровьем? Нужна помощь?

– Что-то происходит, а я не могу понять, что... Он ничего не говорит... – Аранка выполняла обязанности секретаря профессора и вела его деловой график, который состоял не только из лекций.

– Финансовые проблемы?

Девушка покачала головой.

– Папа стал скрытен, ему звонят, он звонит, какие-то непонятные разговоры и намеки... Мне кажется, он чего-то боится...

– У вас есть предположения, чего именно?

– Не знаю... Кажется, пропала какая-то вещь, которую усиленно ищут.

– Кража из коллекции?

– Я не знаю, господин Карлос! – Аранка смотрела так, будто ждала, что прекрасный рыцарь спасет и защитит ее от неведомого дракона.

– Профессор всегда может рассчитывать на мою помощь, – сказал Карлос. – Вам не о чем беспокоиться... Кстати, господин Дьёрдь не упоминал в последних разговорах Службу древностей Египта?

Дочь профессора уверенно мотнула головой, отчего прическа немного сбилась, видимо, сама делала, в спешке.

– Нет. Он не имеет дела с этим египетским министерством. Вы же знаете, что Египет не входит в круг его научных интересов.

Карлос это прекрасно знал. Как и то, что не сможет помочь застенчивой девушке. Нельзя даже похлопать дружески ее по плечу. Будет только хуже.

Аранка к чему-то готовилась и наконец решилась.

– Господин Карлос, можно задать вам вопрос...

Ему не оставили выбора. Он знал, что будет, и не мог сказать напрямик: милая, ты мне в дочери годишься. Найди себе ровесника, закрути с ним роман, убегти с ним, соверши безумства, какие надо совершать до тридцати лет, папа посердится, но простит любимую дочь, куда ему деваться. Забудь про всяких стариков, вроде господина Карлоса. К тому же ты дочь одного из самых важных клиентов. А бизнес нельзя смешивать с чувствами. Тем более детскими. Вот только

сказать это вслух он не мог.

И Карлос утвердительно кивнул.

– У меня тут... – стесняясь, заговорила Аранка. – Я тут... Оказалось так, что у меня получился лишний билет в оперетту... Может быть... вы... со мной... пойдете...

Ребенок смотрел на Карлоса чистыми и любящими глазами. Придется сделать ей больно. Иначе нельзя. Карлос умел делать больно не задумываясь. В этот раз будет чуть труднее.

– Дорогая Аранка... Я не люблю оперетту... – выдавил он. – Благодарю за приглашение.

– А может быть... Может быть... в оперу?

– И оперу я не люблю...

– Тогда... Тогда... хотите, я приглашу вас в ресторан... – Аранка кинулась головой в пекло.

Карлосу было гадко и противно, как будто он отнимает у ребенка конфету. Он положил альбом и нагнал строгости.

– Благодарю вас, мисс Дьёрдь. Мне было чрезвычайно вежливо узнать ваши приглашения... К сожалению, не могу их использовать. Прошу вас больше не утруждать себя... – латиноамериканец, ну, или испанец имеет право не соблюдать венгерский этикет. – Прошу передать профессору: жду сообщения о месте и времени встречи завтра.

Карлос быстро двинулся к выходу. Он знал, что не имеет права оглянуться. Нет ничего хуже, чем оглянуться и утереть девушке слезы. Женские слезы были слишком опасным оружием. Он не подпускал их близко к себе. Консультанты по

антиквариату – расчетливые гадины, не знают любви и жалости.

Так ей будет легче.

9 мая, понедельник

Будапешт, район Мариамакк

19.13 (GMT)

Голова была как свинцовая гиря. Катарина еле сдержалась, чтобы не проглотить горсть таблеток. Мало того, что бездарно пропустила событие, внутри которого оказалась, о котором уже пишут все, кроме нее. Так еще напилась виски, а ведь терпеть не может этот кислый запах и вкус.

Она с трудом помнила, как оказалась в корпункте: свой стол Катарина считала настоящим корпунктом. Кажется, бармен посадил ее в такси. Какой хороший человек. Не то что этот испанец. Он, конечно, спас ей жизнь, и все такое. Но как можно бросить девушку за стаканом виски? О чем он вообще думал?

Катарина повернула голову – и сильно об этом пожалела. К тяжести добавились раскаленные угли. Все-таки придется пить анальгетики. От этих таблеток она впадала в апатию на полдня, а то и больше. Худшее из зол для журналиста. Но деваться некуда.

Из тюбика, который она нашла в дальнем углу нижнего ящика стола, Катарина выбросила на ладонь таблетку и с отвращением проглотила. Теперь надо ждать, когда накроет. Пока оставалось несколько минут, она проверила группу в

Facebook, где обычные горожане сообщали самые горячие новости. За группой тщательно следили все журналисты Будапешта, хотя яростно отрицали это.

Среди мелких происшествий вроде аварии и разбитой витрины Катарина увидела сообщение: «В особняке на Мариамакк убили пожилую женщину. Полиция все оцепила, ловили убийцу, он ушел. Была стрельба. Улица перекрыта, мимо дома не проехать». Пост сопровождала фотография с мобильного телефона. Катарина еще кое-как соображала: если к утреннему убийству добавить труп старушки, может получиться неплохой материал. Например: «Туристический сезон Будапешта под угрозой: две загадочные жертвы в один день». Она не сомневалась, что вторая жертва будет загадочной. Во всяком случае для читателей «Stern». Материал, если пройдет, тянул евро на пятьсот. Надо же, такая досада: только начались события, только кончилось затишье, а она не может нормально их обработать...

Собрав все силы в кулак, Катарина подхватила сумку и побежала к остановке автобуса, опережая приступ. К счастью, он запаздывал.

...Оцепление рядом с особняком было серьезное. Полосатые ленты натянуты на приличном расстоянии. Рассмотреть что-то трудно. Соседи и зеваки толпились вокруг и откровенно скучали. Катарина сделала снимки, какие могла, протиснулась к полицейскому из оцепления. Она показала

карточку журналиста и попросила пропустить. Полицейский строго попросил отойти. Катарина стала объяснять, как важно для Будапешта, чтобы информация до европейских читателей была донесена правильно, без выдумок и лжи. Чтобы не отпугнуть туристов перед началом сезона. И вообще: что здесь произошло? Можно ли получить комментарии от следователей?

Полицейский был равнодушен и к туристам, и к европейским читателям. Он предложил задать вопросы пресс-службе, а пока не мешать работе полиции. Катарина, замечая признаки тумана в голове, старалась уговорить или проскользнуть, но ей пригрозили арестом за вмешательство в работу полиции. Пришлось отступить.

Катарина вернулась в толпу, когда дымка ползла по мозгам. Нельзя сдаваться, она еще может сделать репортаж. Журналисту никто не запрещает опрашивать свидетелей и ссылаться на них. Свидетелей было сколько угодно. Каждый из них готов рассказать настоящему журналисту знаменитого журнала все, что знает. И даже не знает. Катарина только успевала вертеть телефоном. Вскоре она имела полное представление о том, что здесь произошло.

Оказывается, старуха Лакоци была довольно вредной. Соседи ее не любили. Она ни с кем не общалась, держала полный дом прислуги. И всегда была мерзкой. При коммунистах муженек ее украл мешок денежек, а потом ему все сошло с рук. Вот она и возгордилась. Наверняка кто-то из прислуги

не вытерпел и прибил ее. Соседи были уверены, что старуху задушили. Правда, некоторые уверяли, что лично слышали, как раздалось несколько выстрелов из охотничьего ружья. Некоторые видели убийцу. Его описывали как бородастого иностранца, явно с Ближнего Востока. Правда, некоторые уверяли, что убийца – высокий красавец с вьющимися волосами. Одна нервная дама заявила, что все это – полная ерунда. Она и только она видела настоящего убийцу. Это был негр в джинсовой куртке. Вот его и надо искать.

Информации было достаточно. Она был почти сенсацией. Можно забыть про утренний выстрел, о нем и так все написали. Тут получается куда интересней: «Кто мстит партийным бонзам эпохи Кадора? Кровавый след тянется в прошлое». Вот только туман в голове сгущался. Катарина ощутила слабость в руках, ей надо было найти точку опоры. Она выбралась из толпы, прислонилась к заборчику в густой зелени. Надо сделать несколько глубоких вдохов, надо найти силы. Если не написать статью и не отправить сегодня, завтра ее ценность упадет вдвое. На печатную версию рассчитывать трудно, но на сайт вполне может пройти.

Катарина дышала медленно и глубоко. Лучше не становилось. В сумке завибрировал смартфон. Катарина достала его и взгляделась в экран, глаза уже подводили. Номер был неизвестен.

– Добрый вечер... Корпункт «Штерн», чем могу вам помочь?

– Вы были в кафе...

Это его голос!!!

Катарина хотела закричать в трубку, что из-за него попала под пули. Что не смогла сделать репортаж и что теперь у нее вата в черепе.

– А, это вы... – лениво сказала она. – Да, благодарю вас, Ференц... Пуля, которая предназначалась вам, досталась официанту. Мне очень жаль...

В телефоне было тихо. Катарина проверила: не выключила ли случайно. Экран показывал связь. Ференц просто молчал. Слышались какие-то невнятные звуки.

– Але, вы живы? – спросила она.

– Это нелепость, – наконец сказал он.

– Что именно?

– Стреляли не в меня.

– Почему? – язык заплетался, она могла произносить лишь отдельные слова.

– В этом нет смысла.

– А в кого?

– Я не знаю. Это не важно. Случайность.

– Случайность... – повторила она послушно.

– Вы напуганы? Или готовы идти дальше?

– Да, я... готова... Только не сегодня...

– Хорошо...

Откуда-то слева завывала сирена «Скорой помощи». Машина подъехала, мигая маячками, полицейские раздвигали тол-

пу, пропуская к подъезду особняка. Наверно, тело будут выносить. Катарина подумала, что надо снять такой момент. И вдруг сквозь кисель в мыслях она поняла, что слышит звук сирены в оба уха. Вой «Скорой» доносился из телефона с кратким запозданием.

– Вы рядом?!

– Ждите звонка... – с этими словами Ференц отключился.

Катарина посмотрела на толпу: прячется где-то поблизости. Зачем он здесь? Следит за ней? Или убил старуху? Или оказался случайно? Нет, такой человек не окажется случайно. Ему что-то надо, он что-то хочет. Бойтся, но рискует. Да кто он такой, в самом деле? Раздумывать дольше она не могла. Надо любой ценой сделать снимок, как санитары понесут носилки с мешком. Потом поехать за «Скорой помощью» в больницу и выяснить, как на самом деле убили старуху. И взять интервью у патологоанатома. А потом забросать вопросами пресс-секретаря полиции. У Катарины было много планов. Только она не могла оторваться от заборчика. Все стало безразлично. Все планы. И почти пустой счет. И репортаж. И даже «Штерн».

Как плохо, что испанца нет рядом. Он был так нужен ей.

9 мая, понедельник

Будапешт, площадь Марии Ясаи

21.03 (GMT+1)

Карлосу была нужна передышка. Помахав ночному охраннику, он зашел в свой офис. В коворкинге было пусто, за дальним столом развалился парень с индейской косичкой. Он сидел в наушниках и не видел ничего, кроме своего монитора.

Что такое расслабиться и почувствовать полную безопасность, Карлос не знал очень давно. В любом месте, в любое время его мозг и чувства пребывали в состоянии слежения и оценки. Более напряженной или чуть менее. Когда ничего не предвещало беды, Карлос все равно отслеживал происходящее вокруг. Никогда не отдыхал. И никогда не выключал осторожность. Даже во сне. Привычка ничем не хуже других. Которую не замечаешь, как, например, почесывание подбородка.

Опустившись в кресло, он закрыл глаза. И позволил минуте относительного покоя. Весь день Карлос замечал тысячи деталей, обрабатывал и оценивал. Даже когда возвращался в офис. Сейчас мозгу нужна перезагрузка. Карлос пытался расслабиться и все равно не переставал слушать, что происходит за дверью. Любой шорох приведет его в боевую готов-

ность. Он старательно не думал про утренний выстрел. Потому что выводы могли быть слишком неожиданные. Иранцы тут совсем ни при чем. Кстати, они его не «ведут». Вокруг офиса наружного наблюдения не замечено.

Пауза кончилась. Карлос не решил, что делать с жестким диском из полицейской машины. Пусть пока остается под руками. Надо было проверить, чем дышит мир антиквариата. Он включил компьютер и зашел на специальный закрытый форум. Там происходило нечто необычное.

Антиквары – близкие родственники лис. Когда у них нет ничего стоящего, они могут хвастаться или рассказывать, какую потрясающую вещь нашли. Но если попадается нечто по-настоящему редкое и ценное, они предпочитают помалкивать. Чтобы конкуренты случайной болтовней не сбили цену или чтобы серьезный покупатель, которых на всех не хватает, не обратил внимание на другой предмет. Так вот сейчас на форуме стоял полный штиль. Ни один участник за сутки не сделал ни одного сообщения. Значит, в городе появилось нечто столь ценное, что говорить об этом нельзя. Лисы сделали стойку, носы нюхают ветер: откуда принесет вкусненькое.

За стенкой раздались тихие шаги. Кто-то приближался – и явно к тому месту, где сидел Карлос. Ни охранник, ни ребята из коворкинга так ходить не будут. Идут к нему. Незванный гость. Его надо встретить. Огнестрельное оружие при себе Карлос не держал. Лишний шанс для неприятностей с по-

лицией. В случае внезапных проблем стрелять всегда поздно. Были методы более эффективные. Короткий штурмовой нож, приделанный к днищу столешницы, лег в руку. В обычных условиях Карлос вел рукопашный бой от трех до пяти секунд. В зависимости от соперника. Карлос отошел к стенке, чтобы створка прикрывала.

В дверь вежливо постучали.

– Входите! – крикнул Карлос громче, чтобы нельзя было определить, где он стоит.

Створка приоткрылась наполовину. Ребекка изучала надпись.

– Здесь написано: «Советник по антиквариату», – сказал она. – Ты серьезный бизнесмен?

Карлос сунул нож за ремень. Лезвие он чувствовал спиной. Вернулся за стол.

– Как нашла?

Ребекка кинула визитку.

– В карманах люди носят всякую всячину.

Хорошая работа. Карлос ничего не почувствовал, когда ему залезли в карман брюк. За профи говорят его дела. Девочка страшна лицом, но способности имеются.

Ребекка уселась, как дорогой гость, закинула ногу на ногу.

– Зачем пришла?

– Долг надо отдавать, – сказала она. – Хочу работать с тобой.

– Почему ты решила, что я дам тебе работу?

Она неторопливо осмотрела кабинет.

– Ты умный. Ты крутой. Я поспрашивала...

Это было интересно. Цифровая жизнь делает современного человека голым и беззащитным, как в день рождения. Из каких источников черпала информацию Ребекка, сомнения не вызывало.

– Что узнала?

– Ничего. О тебе ничего не известно. Это круто.

– Что ты хочешь?

– Уже сказала: работать с тобой.

– Что умеешь?

– Многое...

Ребекка вытащила сигарету, задрала голову и поставила сигарету на кончик носа. Сигарета стояла не шелохнувшись. Резким движением Ребекка подбросила ее, поймала губами фильтр и выдохнула струю дыма. Сигарета оказалась прикуренной. Карлос еле успел заметить зажигалку, которая мелькнула на отвлекающем движении.

– Тебе в цирке выступать, – сказал он. – Не кури, не люблю запах табака.

Она скомкала сигарету, словно не чувствуя тлеющего кончика, засунула в карман кожаных штанов.

– Хочу работать с тобой...

Карлос не имел помощников. У него не было сотрудников. Он ни с кем не сотрудничал. Только разово – с теми, кто был нужен для конкретного дела. А если работал, узна-

вал всю подноготную. Чтобы узнать про Ребекку, нужно было заплатить три-четыре биткоина для получения доступа к служебному серверу венгерской полиции. Такую цену Карлос счел приемлемой.

– Сдай экзамен, – сказал он.

– Говори. – Ребекка по-мужски расставила ноги, оперлась локтями о колени и положила подборок на сцепленные пальцы.

– Представь себе, что человек первый раз оказался в Будапеште...

– Иностранец?

– Да, но говорит по-венгерски...

– Вор? Киллер? Драгдилер?

– Мирный человек... У него ценная вещь, которую он надежно спрятал.

– Что за вещь?

– Не важно. Он владеет навыками, которые позволяют уходить от слежки и делать кое-что еще. Он знает, что за ним идет серьезная охота.

– Русская мафия?

– Хуже, чем ты можешь себе представить...

Ребекка изобразила сомнение. Без бровей мимика человека сильно меняется.

– Он знает, что, если попадет к ним в руки, расскажет все, – продолжил Карлос. – Эти люди могут заставить говорить любого.

– Даже тебя?

Карлос пропустил вопрос мимо ушей.

– Цели этого человека, и в частности то, зачем он приехал в Будапешт, не до конца ясны.

– Это как?

– Понимай как хочешь.

– Поняла... Что дальше?

– Вопрос: где он может укрыться в городе, если не пользоваться кредитной карточкой?

Ребекка задумалась.

– Полиция его ищет?

– Он чист, – сказал Карлос и добавил: – Насколько известно.

Разговор перевернулся. Теперь вопросы задавала Ребекка.

– Сколько он здесь?

– Вторые сутки.

– Что ему надо?

– Ты невнимательно слушала, – сказал Карлос.

Девушка кивнула.

– Покажи лицо...

Карлос включил планшет и показал снимок. Ребекка изучала внимательно.

– На воина не сильно похож, – сказала она.

Не стоило посвящать нового сотрудника в детали того, как археолог учуял опасность, услышав приглашение риелтора в

домофон. И как растворился на улице.

– Недооценивать его – ошибка. Он очень умен.

– Это видно, – сказала Ребекка. – Пришлешь фотку на почту?

Карлос не отказал в маленькой просьбе.

– Как его зовут?

– Шандор. Он француз.

Ребекка встала и размяла шею, как борец перед поединком.

– Считай, что он у тебя в кармане...

И ушла, не прощаясь. Как настоящее привидение.

...Темный угол Интернета дал все, что было нужно. Через четверть часа Карлос изучал полицейское досье. За Ребеккой числились десяток мелких краж, обманы туристов на улице, шулерство, незаконная торговля, запрет на въезд в Швейцарию и США, несколько драк и хранение мелкой дозы. Богатую биографию Ребекка заработала за неполные тридцать лет. И почетную кличку Барракуда. Ценная и полезная рыбка.

Карлос вспомнил, что сегодня крошки во рту не имел. И подумал о сытном ужине у госпожи Черенци. Он был уверен, что и сегодня его ждут.

9 мая, понедельник

Будапешт, недалеко от площади Рузвельта

22.15 (GMT+1)

Больше всего князь Польфи не любил ждать. Его характер требовал получать все и сразу. Князь стоял за столиком уличного кафе и сердился. Перед ним горел огнями Будапештский берег с подсвеченным Рыбацким бастионом и шпилем собора Святого Матьяша. Вид, как на открытке. Красота, ради которой туристы стремились в Будапешт. Красота не радовала князя. И пицца не радовала.

Приехав раньше времени, он соблазнился и теперь жалел, что откусил пересоленную гадость с дешевым майонезом. Еще больше злился князь, что не может бросить кусок, который ему подали на пластиковой тарелке с бумажным стаканчиком колы. Назначенное время еще не подошло, а князь готов был бросить и пиццу, и саму затею. Почему позвонивший отказался приехать к нему в особняк, он понять не мог. И зачем надо было выбирать такое шумное место, где туристы ходят косяками и дует пронизывающий ветер с Дуная. Мало ли в Будапеште уютных ресторанов.

Князь оглянулся на прохожих, хотя не представлял, как выглядит тот, кого он ждал. Глянул на тарелку, набираясь мужества отказаться от пиццы.

– Добрый вечер.

От неожиданности князь вздрогнул. За столиком появился человек. В ночном освещении на его лице был заметен загар. Взлохмаченные волосы и помятая рубашка в клетку не добавили уверенности, что князь правильно сделал, согласившись на встречу. Незнакомый отпил из другого стаканчика, который ждал его по условию встречи.

– Как к вам обращаться? – князь не счел нужным скрывать свою неприязнь.

– Называйте меня Ференц...

Польфи слышал сильный акцент.

– Может, вам удобнее говорить на другом языке? – предложил он.

– Нет, благодарю.

– Тогда прошу сразу к делу. Что вы хотите мне предложить?

– Вам – ничего.

Ответ несколько озадачил князя.

– Для чего тогда ваш друг уверял меня, что...

– Я ищу покупателя. Это не значит, что я хочу продать только вам.

Для непрофессионала такое поведение типично. Они не понимают, что ценная вещь может принадлежать только одному, истинному ценителю.

– Хватит пустых слов. Что у вас есть? – уже раздраженно спросил Польфи. Он решил, что, если болтовня продолжит-

ся, просто повернется и уйдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.